

Известный на постсоветском пространстве журналист **Владимир НОВОСАДЮК** (1945 г.р.) около двадцати лет проработал в ТАСС (1972–1990) и почти столько же сначала в РИА Новости, а затем в международном информационном агентстве «Россия сегодня» (2002–2019). Последние годы руководил представительством МИА «Россия сегодня» в Республике Молдова и одновременно возглавляя агентство Sputnik Молдова.

Автор многих рассказов и повести «Не падай раньше пули».

Владимир Новосадюк ОНА И ОН В ТЕНИ АЛОИЗА

Владимир Новосадюк

ОНА И ОН В ТЕНИ АЛОИЗА

Владимир Новосадюк

ОНА И ОН
В ТЕНИ АЛОИЗА

Москва
2020

Первая страница обложки – *Вадим Русу*

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Новосадюк Владимир.
Она и он в тени Алоиза. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 160 с.

ISBN 978-5-91022-460-9

Новая повесть известного журналиста – история любви мужчины и женщины. Любви, которая развивалась совсем не в парниковых условиях. Но жизнь налажена и пришло время ею наслаждаться. Однако судьба решает ещё раз проверить на прочность отношения героев. Победят ли они вдруг возникшие трагические обстоятельства?..

© Новосадюк В., 2020
© ЦНИ «Актуальная история», 2020
ISBN 978-5-91022-460-9 © АИРО-XXI, 2020

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

ГЛАВА ПЕРВАЯ 9

ГЛАВА ВТОРАЯ 16

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 26

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 34

ГЛАВА ПЯТАЯ 40

ГЛАВА ШЕСТАЯ 47

ГЛАВА СЕДЬМАЯ 56

ГЛАВА ВОСЬМАЯ 66

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 72

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 79

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 85

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 94

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 101

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 106

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ 112

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ 119

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ 125

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 134

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ 142

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ 149

Татьяна Млечко
ПОСЛЕСЛОВИЕ 155

Посвящаю
любимой, которая никогда
не прочтёт эту
повесть...

Нам вылетать через два часа. Дорога неблизкая, поэтому хожу из комнаты в комнату с контрольной проверкой.

– Маргоша, ты ничего не забыла?

– Вадик, успокойся. Я проверила свой и твой чемоданы несколько раз.

Жена сидит в любимом кресле у камина. На коленях папка синего цвета, в которой рукопись моей новой повести. На этот раз – о нас двоих. Вижу ее нетерпение немедленно приступить к чтению.

– Ритуль, мы же договорились, что начнешь в самолете. За время полета ты мне еще такую рецензию выдашь, что впору будет у стюардесс просить парашют.

– Ладно-ладно, – смеется она. – Уговорил речистый. А кстати! Ты им нравишься. Придется попросить Бориса, чтобы наши полеты обслуживали мужики, – продолжает улыбаться моя жена.

– Согласен. Даже сам попрошу его об этом. Только будь, пожалуйста, при чтении этого опуса снисходительна к автору. Особенно там, где главы написаны от твоего лица. Сомневаюсь, вполне ли у меня получается воспроизвести женский стиль разговора.

– Посмотрим, посмотрим, – с наигранной угрозой говорит Маргоша и опускает рукопись в дорожную сумку.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта повесть о любви, которую накрыла тень Алоиза. Бытует легенда, а возможно, это и правда, что к памятнику первооткрывателя «болезни забвения» Алоиза Альцгеймера несут незабудки. Вы не чувствуете в этом злую иронию? Цветы доктору, который более ста лет назад обнаружил заболевание, от которого до сегодняшнего дня нет спасения?

Герои повести – Она и Он – надеются на чудо.

Глава первая
ОНА

Одномоторный белый самолётик, как ошалевший от нежданной свободы щенок, вытворяет на голубой поляне неба такое, что глаза не успевают следить за всеми его петлями, горками, штопорами, кобрами…

Я пытаюсь вспомнить, откуда знаю названия фигур высшего пилотажа. Нет, не вспоминается.

Вдруг вижу – самолетик будто захромал. Совершенная геометрия полета поломалась. Он словно осознал, что бескрайняя небесная голубизна пугающе ненадежна. Ещё мгновение назад дружелюбно наблюдавшая за его шалостями земля нахмурилась, выжидающе следя, что он будет делать дальше.

Я понимаю, что у самолетика минимальные шансы не разбиться. Рядом с ним кувыркается в небе, ставшем враждебным, оторванное крыло.

Но тот, кто сидит в кабине, не думает так. Он раз за разом выводит своего белоснежного друга из смертельных пике, пытаясь поставить его на уцелевшее крыло. И, о чудо, самолетик успевает зацепиться шасси за спасительную посадочную полосу.

Очень хочу увидеть лицо того, кто победил небо, но просыпаюсь…

К чему этот сон, думаю я, набрасывая халат. Дома тишина. Только за стеной, у соседей, бурчит недовольно стиральная машина.

Вадим в командировке до конца недели. Надо успеть сходить к невропатологу. Не хочется понапрасну волновать мужа. Понапрасну ли? Не знаю. В последнее время я стала замечать, что порой забываю отдельные слова. Даже расхожие.

Визг тормозов за окном отвлекает от тревожных мыслей. За стеклом, исполосованным осенним дождем, вижу, как утреннюю серость разгоняет вырастающий из открывающейся двери автомобиля огромный букет ярко розовых гладиолусов, длинные стебли которых с трудом удерживает девушка. Обежав машину с другой стороны, к ней подбегает с такой же шалой, как и у подруги, улыбкой, её сверстник. Он подхватывает выскальзывающие из рук девушки гладиолусы, ныряет лицом в цветы и находит там её губы.

Гладиолусы… Кстати, не самые любимые мной цветы. Хотя… ну, об этом чуть ниже. Какие-то они холодноватые в своей вычурной красоте. Помню, первый раз это услышала от Вадима, а потом и сама заметила, когда пригласил нас порознь к себе на

плантацию гладиолусов наш общий знакомый генетик.

В лучах убегающего за Буюканские холмы солнца нас встретили гладиолусы, выстроившиеся, словно на параде шеренги воинов, украшенных разноцветными плюмажами. Правда, как мне вспоминается, имена этих воображаемых воинов не вполне соответствовали моей ассоциации с цветами.

Я помню их, или это просто память эмоционального ощущения?

Нет-нет, помню. «Отблеск янтаря», «Моя богиня», «Пурпурный вечер», «Сиреневый мрамор», «Чёрный канделябр»…

Не отложить ли поход к невропатологу?! Ладно, вечером решу. Если пойду, то все равно успею до приезда Вадима.

Да, так о гладиолусах, а точнее, о том вечере. До него мои отношения с этим молодым холостяком чуть младше меня развивались почти как по кодексу строителя коммунизма. То есть явно неприкрытая симпатия к замужней женщине (это ко мне) с его стороны гасилась мной, как только при нашей случайной или неслучайной встрече в длинных и часто пустынных коридорах Дома печати появлялся кто-то из коллег или праздношатающихся посетителей этого рассадника слова партии в массы.

Поймав себя на мысли, что делаю это интуитивно, через пару случайных встреч я задумалась: «случайны» ли они и моё желание общаться с этим «небесталанным юношей». Так его, как бы мимоходом снисходительно, характеризовали два моих начальника, которые опекали меня от чужих мужских любопытствующих взглядов. Но сами, мне тогда казалось, блюли мою замужнюю непорочность весьма, как бы это точнее сказать,… небескорыстно, с дальним прицелом.

И вот наш поход в тот сентябрьский вечер на гладиолусную плантацию. Когда вдруг увидела Его в окружении пылающего в лучах заходящего солнца разноцветья, сначала неожиданно для себя обрадовалась встрече, а лишь потом вспомнила его замечание о «вычурной холодной красоте» этих цветов. Его улыбка во все тридцать два зуба, простите за высокий штиль, затмила гладиолусное раздолье.

Вот тогда я и поняла: пропала девочка!

Когда мы поздно вечером, после хорошего застолья у нашего друга-генетика, веселой многочисленной компанией брели, горланя песни, по грунтовой дороге к остановке городского автобуса, я почувствовала робкое прикосновение к моему локтю руки спутника. Что делает в большинстве подобных случаев замужняя женщина? Правильно! Или

как бы случайно отодвигается, или грубо вырывает свою руку из соблазняющей лапы ухажера.

А что сделала я? Вы, наверное, уже догадались. Да-да! Я еще крепче прижала руку Вадика к моему телу. Хотите – верьте, хотите – нет, но такого ощущения единения, желания я никогда до этого в жизни не испытывала. И я поняла подспудным чутьем влюбленной женщины, что никогда не откажусь от этого мужчины, через какие бы тернии мне не пришлось пройти. Повернула голову, наши глаза встретились, и я убедилась в правоте своего решения.

Слова нам в тот вечер были совсем не нужны, когда мы, отколовшись от компании, поехали в его холостяцкую квартирку.

Благо объяснений с мужем не требовалось. Он пребывал в заграничном круизе по странам Балтийского и Северного морей.

А вот объяснения с Вадимом начались с утра в ещё не остывшей постели. И начал их он.

– Солнышко, я не знаю твоих дальнейших планов, но хочу тебе сразу сказать о моей программе максимум в наших отношениях.

Я с удивлением воззрилась на него.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Понимаю, что у тебя не такая простая, как у меня, семейная

ситуация, но сколько времени надо, я буду ждать. Год-да, два-да, три – да…

Его голос звенел, а я остолбенела, во все глаза глядя на моего мальчика.

– Ты хоть понимаешь, что сейчас говоришь?! У меня семья, родственники, друзья… Какая волна сплетен разнесётся по нашему местечковому Кишиневу?

Только через мгновение я поняла, что не ответила отрицательно или как-то убаюкивающе-неопределенно на его предложение, а сразу пустилась в объяснения, что нас может ждать после такого союза.

Он же уловил всё это и, выскочив голышом из постели, с радостным воплем стал носиться по комнате.

– Ты бы хоть свои причиндалы прикрыл, – рассмеялась я, поняв, что обратного пути не будет.

– Что, не нравятся? – обнаглел мой мальчик и через мгновение целовал грудь, опускаясь все ниже и ниже…

Потом, когда мы счастливо утомленные продолжали валяться на мокрых простынях, он положил мне голову на плечо и неожиданно прошептал: «Хочу процитировать самую любимую и единственно дорогую мне женщину, которая однажды в кафе

Дома печати заметила одному влюбленному в неё юноше, что “провинциализм – это понятие не географическое, а мировоззренческое”».

– Это я насчёт местечковости кишинёвской публики, – рассмеялся он.

А я пыталась прервать его глубокомысленные разглагольствования поцелуем.

В тот раз получилось…

Глава вторая

ОН

– Тебе не кажется, что мы сейчас не во Флоренции, а в Симферополе? – спрашиваю я Маргошу, отрывая её от созерцания людского муравейника, кишащего у прожорливых вокзальных стеклянных горловин.

– Почему? – удивленно застывает она на трамвайных путях, через которые мы шли в сторону церкви Санта-Мариа-Новелла.

– Шагай, родная! Еще не хватает нам попасть под колеса флорентийского трамвая, – тяну я жену за мокрую ладошку.

– Аннушка сюда точно не добралась со своим подсолнечным маслом, да и атеиста Берлиоза что-то рядом с церковью не вижу, – смеётся в ответ Марго, откидывая со лба прядь волос и повисая на моей руке.

Мелкий январский дождь уже несколько часов умывает базальтовые площади и улицы этого неповторимого в своей древней красоте города. Но не может никак разогнать витающий над привокзальной площадью запах чебуреков.

– Ну, чувствуешь? Точно такой же, как в твоем родном Симферополе, когда ты повела меня в ту татарскую чебуречную.

– Нет, милый, такой, но не такой! Сейчас всё узнаешь. Я, в отличие от тебя, иногда готовлюсь к нашим вылазкам, – улыбается она. – Ведь не всегда рядом будет Серёжа. Поэтому приглашаю вон в ту бутербродную! – И показывает на неприметную дверь на первом этаже старинного здания маслянисто-желтого цвета.

Кстати, Серёжа – это не только наш близкий родственник, муж моей любимой племянницы, но и самый известный русскоязычный гид во Флоренции. Сегодня он работает, поэтому Маргоша решила щегольнуть передо мной своей заготовкой, осеняет вдруг меня.

Почему заготовкой? Потому что уверен, зная меня так, как, наверное, я сам себя не знаю, она ждала от меня фразы о чебуреках.

Точно, как же я забыл?! Ведь здесь, у вокзала, мы уже были несколько раз, когда с Серёжей приезжали на трамвае из их дома, чтобы отправиться в очередную экскурсию по Флоренции. И однажды я вскользь заметил: «Как пахнет чебуреками!».

Ни Серёжа, ни тем более Маргарита тогда никак не среагировали. Кажется, они о чем-то увлеченно болтали, не прислушиваясь к моим словам.

Ан нет, оказывается! Моя жена продолжает удивлять. Как тогда в Симферополе.

А пока Марго тянет в выбранную ею бутербродную.

– Чувствуешь? Это варится требуха! – с видом завсегдатая этих мест восклицает она.

– Требуха? – что-то нехорошее начинает ворочаться у меня внутри, хотя аромат совсем неплох.

– Подожди-подожди! – Марго увлекает меня вглубь, к стойке и на ломаном итальянском просит у седовласого хозяина в белоснежном фартуке, украшенном свежими кляксами красного соуса, две порции лампредото.

– У тебя с собой имодиум есть? – жалостно взываю я к совести любимой женщины, когда вижу, что там, за стойкой, готовят.

Перед нами на доске, как мне потом расшифровал увиденное Серёжа, были мелко нашинкованные кусочки сваренного желудка коровы. Рядом бульон, благоухающий петрушкой и овощами, и разрезанный пополам большой ломоть хлеба. Из нижней его части седоусый красавец выковырял мякиш, вместо него положил кусочки всей этой вываренной требухи, добавил соус из петрушки, чеснока, красного перца и пряностей, обмакнул в бульон и, завернув в пакет, подал Маргарите с бокалом Кьянти.

– Какая вкуснятина! – по-моему, излишне восторженно воскликнула она и мужественно стала жевать бутерброд, поглядывая в мою сторону.

Дождавшись своей порции, я понял, что Рита права: объедение этот лампредото.

Дождь продолжал прихорашивать город, привычно смывая пыль веков с его дворцов и площадей.

– И все-таки есть что-то общее между флорентийским лампредото и крымским чебуреком, – сыто произнес я, подставляя под дождевые капли лицо, раскрасневшееся от трех бокалов Кьянти.

Маргоша чмокнула меня в ухо и потянула в узкую тёмную улочку, подсматривающую за нами блестящими даже в этот мрачноватый январский полдень витринами модных магазинов и не менее посещаемых старинных семейных лавочек.

Да, думаю я, глядя, как все еще стройная и притягивающая взгляд фигурка любимой женщины исчезает за дверью лавочки, торгующей изделиями из знаменитой флорентийской ткани, в Симферополе не было такой возвышающей старины, как здесь, но была наша молодость, возбуждающая, влекущая каждым движением навстречу друг другу.

…Мы тогда впервые вдвоем выехали из Кишинёва. Мои расспросы о том, как она объяснила всё это дома, Маргарита прервала непривычно жёстко:

«Давай договоримся раз и навсегда. Мой муж знает, подчеркиваю, знает, а не догадывается, что я люблю тебя. Я ничего от него не скрываю и не собираюсь этого делать. Надеюсь, что мы с ним останемся друзьями. И очень прошу тебя, очень – постарайся поддерживать с ним нормальные отношения. Что из этого получится? Не знаю! Но я со своей стороны сделаю всё, чтобы остаться ему другом.»

И добавила через мгновение: «От этого многое зависит и у нас с тобой.»

В раскаленном июльским солнцем вагоне было душно. Очень душно. Я оторвал взгляд от оконного стекла, за которым в полуденной дрёме растянулись виноградники.

В зелёной глубине Ритиных глаз я увидел такую боль, что мгновенно вскочил и бросился к ней, сметая на пол съестные припасы, выложенные на приоконный столик.

«Ну вот, дурачок, что мы теперь будем есть до Симферополя?» – Смеясь сквозь слезы, шептала она, уткнувшись мокрым носом мне в шею.

А потом, через несколько дней, мы чинно шли по вечерней улице этого заштатного, но так любимого моей женщиной города в знаменитую чебуречную. Но, кроме истекающих горячим соком бараньего

фарша хрустящих полумесяцев плоских пирожков, меня ждал там сюрприз посерьёзнее.

За большим столом у открытого окна, за которым тяжело, словно налитые женские груди, свисали фиолетовые грозди винограда неизвестного мне сорта, сидело несколько мужчин, с любопытством взирающих на нас. Они вскочили и бросились обнимать Марго, оттеснив меня в сторону. Но через мгновение я услышал её радостно-возбужденный голос, перекрывший шум дружеских приветствий: «А это мой Вадим! Знакомьтесь!»

В воцарившейся тишине показалось, что я слышу из кухни скворчание подпрыгивающих на сковородке чебуреков. Потом меня окружили улыбающиеся лица друзей Марго, которых она, оказывается, специально пригласила сюда, чтобы познакомить со мной.

Помню, после завуалированных словесной шелухой чуть ревнивых расспросов о моей персоне старые приятели утонули в радостной суете воспоминаний, немного позабыв обо мне. А я, выйдя на террасу покурить, любовался оттуда оживленным лицом Риты и думал, сколько мужества нужно было ей, чтобы привезти меня сюда, в город её детства и юности. В город, в котором вот и эти мужчины были в неё влюблены. А может, и сейчас мечтают о

ней. В этом я никак не сомневался, ловя взгляды, которыми они обволакивали её.

– О чем размечтались, молодой человек, если не замечаете, как женщина любуется вами уже несколько минут? – рассмеялась Марго, которая оказывается уже вышла из лавочки.

– Знаешь, меня много лет мучает один вопрос.

Ритуля встала на цыпочки, заглянула мне в глаза и, что-то почувствовав, поцеловала в нос:

– Пойдем посидим в той кафешке!

Дождик устал измываться над многочисленными гостями Флоренции, высыпавшими на её улочки и площади из музеев и галерей, и исчез за окружающими город холмами.

Красное сухое Бароло было изумительным. Под стать настроению на исповедальность среди этой исторической правды веков, застывшей в памятниках известным и неизвестным личностям. У каждой из них была своя жизнь. Со своими тайнами: стыдом, гневом, любовью, размышлениями и главное, поступками, определившими путь до этих бронзовых, мраморных, гранитных изваяний, которые уравняли их всех под заинтересованными и равнодушными взглядами всех нас, сидящих сейчас за открытыми столиками разбросанных вокруг кофеен.

– Дорогой, куда уплыл от меня? – Марго дотронулась ладонью до моей небритой уже несколько дней щеки.

– А вот скажи мне откровенно, родная, тогда в чебуречной, в Симферополе, так уж было необходимо собирать твоих друзей?

– Господи, дела прошедших лет! – Маргарита улыбнулась, а потом очень внимательно посмотрела мне в глаза. – Неужели ты до сих пор не понял?! Мне это было очень важно для самой себя. Меня, как ты понимаешь, не интересовала их реакция на тебя, да и на себя. Ведь я не виделась с ними изрядный срок. Меня интересовало, как я себя почувствую с тобой в компании когда-то близких мне людей. Будет ли мне комфортно с любимым мужчиной в немного необычной ситуации? Понимаешь, чем бы не закончилась та встреча в чебуречной, ничего не могло уже изменить в наших отношениях. Но я хотела еще раз проверить себя.

– И что? – улыбаясь, спросил я.

– Как, что? Вот сижу и пью с любимым вкусное вино и примеряю себя на место одной из тех статуй, – махнула рукой Ритуля.

– Эээээ, так не пойдет! – нарочито серьезно протянул я.

– Это почему? – подыграла Марго.

– А посмотри, на чье место ты себя примеряешь? – расхохотался я. – Это же знаменитая работа Донателло «Юдифь и Олоферн».

– Стой-стой! По-моему, она его убивает, предварительно соблазнив.

– Ну, да! За то, что он во главе ассирийского войска захватил ее родной Вифлеем.

– Нет, такой сюжет мне решительно не подходит, – поцеловала меня Маргоша. – А чтобы ты мне предложил? – Она хитро прищурилась.

Я на секунду задумался.

– Помнишь, Серёжа показывал нам работу Джамболонья – «Похищение сабинянок»?

– Точно! – радостно хлопнула в ладоши моя жена. – У той мраморной сабинянки потрясающая фигура! И сюжет благородный.

– Дэвушка, позвольте умерить свой пыл. Не хочу я вас в мраморе. А хочу сейчас снять в близлежащем отеле номер и удостовериться, что фигура моей красавицы ничуть не хуже, а, уверен, лучше, чем у той сабинянки…

«Начинается регистрация рейса Москва-Кишинев…» – разносится по аэропорту Домодедово.

Я допиваю пиво в кафе на втором этаже аэропорта и неторопливо направляюсь вниз на регистрацию.

Времени у меня ещё достаточно. Набираю домашний номер. Долго никто не отвечает, потом слышу голос Тони, нашей помощницы.

– А где Маргарита Александровна?

– Она недавно заснула. Всё ждала вашего звонка, а потом заснула.

– Скажи, что я звонил. И перезвоню при посадке в Кишинёве.

На той стороне затянувшееся молчание.

– Что, Тоня? Ты хочешь мне что-то сказать?

Молчание. Потом голос помощницы:

– Маргарита Александровна несколько раз просила меня записать ваш номер телефона.

Теперь молчу я.

– Вадим Ефремович, вы меня слышите?

– Да-да, все в порядке. До встречи! Не забудь напомнить Маргарите Александровне о моём звонке.

…Совсем не всё в порядке. Ритуля, как и сказал доктор, видно теряет оперативную память.

Я иду к регистрации, не замечая никого и ничего вокруг.

Глава третья
ОНА

Я просыпаюсь. В тёмное окно монотонно стучит дождь. Из-за закрытой двери кухни чуть слышно доносятся завывания, по-моему, соковыжималки.

Ничего не понимаю. Какое сейчас время суток и кто там на кухне? Нащупываю у дивана тапочки и бреду туда. Бреду, потому что болят ноги, руки. Такое впечатление, что это тело не моё, а одолженное у кого-то на время.

«Только зачем подобное добро одалживать?» – пытаюсь развеселить себя.

Странно! У кухонного стола склонилась Тоня, наливая в графин свежевыжатый сок с имбирем.

– Тоня??? – Я удивлённо смотрю на нашу помощницу по дому, а потом на окно, за которым дождь пытается смыть со стекла прилипший к нему осенний мрак.

– А как ты зашла в дом?

Тоня непонимающе разглядывает меня:

– Вы же сами мне утром открыли…

– Стой, стой! – Я в смятении. – Сейчас что – утро или вечер? И какой день?

– Маргарита Александровна, сейчас вечер пятницы. – Она открывает дверцу холодильника и ставит туда графин с соком. – И пока вы спали, звонил Вадим Ефремович и сообщил, что вылетает из Москвы и как только приземлится в Кишиневе, то сразу позвонит.

– Аааа… Хорошо, спасибо!

Ничего себе!!! Я забыла, что прилетает Вадик… Сжимает сердце. Тяжело опускаюсь на стул. Боль отходит.

Кстати, надо будет ему напомнить, что сегодня, 13 ноября, ровно двадцать пять лет назад в эфир вышел наш телевизионный канал.

Не такая уж и дырявая у меня память. Настроение поднимается.

…Удивительная история началась с нами в то воскресное майское утро. Я лежала на груди Вадика и пыталась вырвать первый обнаруженный мной седой волос, заблудившийся в черных кудряшках, украшавших его мускулистый торс. А мальчик блаженствовал, мурлыча что-то себе под нос, как кот, объевшийся сметаны.

Идиллию памятного утра дополняла нахально заглядывающая в открытое окно огромная ветка си-

рени, куст которой покорно раскачивался под порывами теплого ветра откуда-то с юга. Наверное, из гагаузских степей.

Купаясь в ароматах любимого мужчины и сирени, я не собиралась вставать с дивана ещё часа два, когда зазвонил городской телефон.

Здесь надо уточнить, что квартира, в которой мы блаженствовали, принадлежала моей бабушке, отдыхающей в тот момент в санатории, и номер телефона был известен только узкому кругу наших друзей. Потому представьте моё удивление, когда я услышала на конце провода голос крупного чиновника, выступавшего недавно в моей передаче на Гостелерадио. Но это был первый сюрприз.

Второй оказался ещё круче. Оказывается, со мной и Вадиком хотел познакомиться человек, входящий, по словам моего собеседника, в мировую элиту бизнеса. И желал это сделать именно сегодня, так как заехал в Кишинёв, где у него были гостиница, банк и кое-какая ещё подобная «мелочишка», всего на пару дней.

Конечно, мы поняли сразу, что организовал нашу встречу с Борисом сам крупный чиновник, преследуя известные только ему интересы. Но сути дела это не меняло.

По обилию машин с правительственными номерами, а также крутых иномарок без оных, мы поняли, что не единственные, кто прибыл к этому уютному отелю у центрального городского парка для встречи с известным бизнесменом.

…Тот же ласковый южный ветерок, несущий в открытое окно тот же сводящий меня с ума запах сирени, шаловливо гулял теперь не по постели, не остывшей от наших с Вадиком ласк, а по седым аккуратным причёскам мужчин, собравшихся в уютном кабинете красного дерева на пятом этаже отеля.

– Нам еще долго обсуждать свои вопросы, поэтому не возражаете перейти в другое помещение? – предложил обаятельный седоусый крепыш, белоснежная рубашка которого удачно оттеняла его средиземноморской загар.

Как я угадала, откуда загар, до сих пор не понимаю. Женская интуиция! С ней шутить нельзя. Она же, интуиция, подсказала мне, что мы с этим человеком, как говорят «одной крови». И убедилась в этом через несколько минут, когда мы расположились за круглым покрытым зелёным сукном столом и повели разговор «за жизнь».

– Почему я попросил вас пригласить, а точнее, захотел познакомиться с вами? – Борис пристально, но приветливо рассматривал нас. – Мне нужны жур-

налисты, которые смогли бы в серии материалов донести до широкой публики некоторые мои мысли о сегодняшнем дне, о вечных ценностях.

Мы с Вадиком молча переглянулись и вопросительно уставились на нашего потенциального работодателя.

Борис на секунду задумался:

– Я почитатель философской лирики Пушкина, – сказал он и посмотрел на нас.

Что вам сказать? Я молчала, пережевывая ещё один сюрприз сегодняшнего дня. Бизнесмен и философская лирика Пушкина?! От этого можно было проглотить язык.

– Ладно-ладно, не удивляйтесь, – рассмеялся Борис, оценив нашу оторопь. – Я совсем не собирался вас чем-то удивлять. Разве Пушкин не ставит в своих произведениях вечные проблемы бытия? Смысл человеческой жизни, смерть и вечность, добро и зло, правда и несправедливость?! А его письма Джону Теннеру?

Я молча сдувалась. Вадик, по-моему, тоже.

– Я их не читала, – тихо заметила я.

– Не переживайте, мы многих вещей не читали и не знаем. Знаете, как любит повторять моя жена, – времена энциклопедистов закончились на Вольтере. –

Борис поднялся и на прощание сказал: – Сможете завтра с утра быть у меня с телевизионной группой?

– Конечно, – почувствовала я себя в своей стихии.

– Поговорим о жизни, а потом, когда интервью будет готово, сообщите, и я вышлю за вами самолет, чтобы посмотрели его у меня в офисе в Израиле.

Дальше – картина маслом. Он вышел, а мы еще несколько минут молча смотрели друг на друга.

Но на этом сюрпризы того мая не думали заканчиваться. Главный ждал нас в Тель-Авиве.

Мы впервые в жизни летели на маленьком белом самолёте, в салоне цвета слоновой кости которого были только мы и две стюардессы. Они угощали невиданными нами до того лангустами и наливали в бокалы шампанское Дом Периньон, впервые распробованное мной.

…Воспоминания прерывает звонок мобильного. О, мой мальчик!

– Солнышко, мы приземлились.

– Жду, родной!

…Да, так о самом главном сюрпризе того далёкого мая.

Борис посмотрел кассету с интервью. Пригласил секретаршу, попросив угостить нас кофе и вкусным десертом. И молчал, в задумчивости глядя в пано-

рамное окно, за которым бурлила центральная артерия города улица Дизенгоф.

– Ребята, вы хотите иметь своё телевидение? – прервал молчание Борис.

– Своё? – не смогла сдержать я удивления.

– Ну, точнее, наше, – улыбнулся он.

Не знаю, кто из художников смог бы передать ту палитру чувств, которая отразилась на наших лицах.

Вадик благоразумно молчал, так как был до мозга костей репортером, а вот я являла собой плоть от плоти телевизионщика.

Не буду передавать сейчас весь сумбур наших чувств и мыслей, с которыми мы летели обратно в Кишинёв на том же самом маленьком белом самолёте. Дом Периньон не пился. Лангусты не лезли в горло. Мы обсуждали, сами не веря себе, каким должен быть приблизительно размер суммы, которая понадобится на первом этапе, чтобы создать телекомпанию. Первое частное телевидение в стране! Дух захватывало.

Узнали! И Вадик дрожащим от неуверенности голосом через день сообщил Борису по телефону:

– Нам надо пять миллионов долларов!

– Открывайте валютный счет и через несколько дней у вас будет эта сумма, – буднично ответил Борис.

Вот так у нас в конце того памятного мая на счету появилось пять миллионов американских долларов, и мы сняли офис с шестью пустыми комнатами и большим столом в одной из них.

…А сейчас, извините! В дверь звонит мой любимый муж. Пойду открою и напомню, что сегодня двадцать пять лет первой частной телевизионной компании в стране. Её, правда, давно нет. Но это уже не наша проблема, а тех, кто сумел её украсть у Бориса и, естественно, у нас.

Глава четвертая
ОН

По телевизору – очередная постановочная дребедень одного разудалого московского ведущего. Какие-то пошлые страсти по брошенному ребенку и его якобы чудесной встрече через много лет с отцом… Жду информационную программу и немного поторопился с включением ящика. Рядом, в своем любимом кресле, Маргоша уткнулась в газету.

Сейчас спросить или потом? Ладно, есть еще несколько минут.

– Солнышко, ты ходила к доктору Пэдурару?

Она вскидывает глаза, несколько мгновений слишком уж изучающе смотрит:

– Хотела, видит Бог! Но не успела. С утра до вечера читала материалы ребят. А потом надо было решить проблему Аурики.

– Не понял?

– Ну у тебя и память!

Или мне кажется или Марго слишком педалирует мою забывчивость. Подыграю:

– Знаешь, в последнее время заметил, что забываю очевидные вещи… Так что там с Аурикой?

Жена рассказывает, что помогала нашей коллеге устроить её племянника в хорошую клинику, что дала денег на лечение мальчика.

– Надеюсь, ты не возражаешь, что я ей подарила эти тысячи?! – смотрит Маргоша на меня, уверенная, что я, конечно, полностью её поддержу.

Успеваю только утвердительно кивнуть головой, когда на экране появляется ведущий информационной программы.

Ритулина патологическая, если можно так сказать, доброта не всегда получает адекватный ответ, думаю я, любуясь родным профилем жены.

– Да, знаю я, что ты сейчас думаешь: добрыми делами вымощена дорога в ад, – не поворачивая головы, выдает любимая. – Молчи, молчи! Сама всё понимаю, но не могу пройти мимо, если есть возможность помочь…

Я и молчу, вспоминая жаркое лето в Балабанештах, дачу моего брата, спрятавшуюся под шатром лесопарка Ваду-луй-Вод, и разговор с подругой Маргариты Элеонорой, Элей.

…Обожаю, когда летние сумерки тревожит чуть слышный металлический стрекот легкокрылых стре-

коз, ищущих место для ночлега. Эти, «рождённые ароматом Вселенной» небесные коньки, как называли их древние, пикировали, едва не касаясь наших с Элей лиц, чтобы, зацепившись мелкими коготками за высокие стебли цветов, вздремнуть, а с первыми лучами солнца вновь отправиться в свой звенящий полёт за пропитанием.

Мысли лениво блуждали в поисках ответа на один существенный для меня в тот момент вопрос. Почему Иван Андреевич Крылов, который для написания известной басни «Стрекоза и Муравей» использовал вольный перевод басни француза Жана Лефонтена «La Cigale et la Fourmi», переврал имя главной его героини – «Цикада и Муравей»?

Видно, слаб был дедушка Крылов в энтомологии, облегченно выдыхаю я, найдя для себя решение этой загадки, когда Эля дотрагивается прохладной ладошкой до моего плеча.

– Ты что? Совсем не слушал меня? – возмущается наша с Ритой подруга.

– Ой, прости! Я здесь мысленно занимался некоторыми литературно-энтомологическими изысканиями, – чмокаю Элю в нос.

Странно, что и он у нее прохладный.

– Когда ты успела сбегать в бассейн?

– Какой бассейн?! – продолжает кипеть подруга. – Я здесь пытаюсь тебе рассказать, как обидели на работе Марго, а ты несёшь мне какую-то ахинею…

Я привстаю из шезлонга, вопросительно и требовательно смотрю на Элю.

– То-то же, – замечает она моё волнение и рассказывает. – У меня в пятницу был с утра эфир, поэтому я первой оказалась в парикмахерской нашего Гостелерадио. Правда, вскоре и два соседних кресла были заняты коллегами. Гвалт стоял изрядный. Парикмахерши и гримёрши обменивались последними сплетнями. Я не обращала внимания на их трескотню, пока не услышала имя Маргариты.

Одна из коллег кипела возмущением:

– Представляете, девочки! Ну, вы, конечно, знаете про моё горе. Мой Никушорчик, мой малыш так тяжело заболел… Срочно нужно была одна вакцина. Я, которую знают все в городе, нигде не могла её найти. Иду зарёванная в студию, а навстречу Маргарита. Я к ней. У тебя такие связи, помоги! И вчера, представляете, приносит мне уколы. Мол, попросила министра здравоохранения и он где-то нашёл эту вакцину. А сегодня еще и с утра позвонила. Интересовалась здоровьем моего сынишки. Конечно, дело пошло на поправку после этих уколов.

Нет, но, как вам это нравится?! Я, коренная, плоть от плоти этой земли, не могла достать в моей стране уколы! А эта жидовка смогла…

В парикмахерской воцарилось гробовое молчание. Я так и не поняла от чего больше. Или от возмущения животной неблагодарностью коллеги, или от того, что мы увидели в дверях Ритулю, которая, как я понимаю, всё это слышала.

Она молча повернулась и вышла. А эта выскочила из кресла и бросилась за ней вслед с криком: «Маргарита Александровна, я не это хотела сказать…»

– Знаешь, Эля, ты неправильно назвала все это «животной неблагодарностью». Животные – существа благодарные, а эта…

– Меня трясло от возмущения, гнева и… бессилия.

Я вскочил и пошел разыскивать Маргошу. Она сидела одна на скамейке в овраге, который мой брат с женой облагородили кустами жасмина, бузины, ирги. Я молча сел рядом.

– Только ничего не говори, – через пару тягучих в своём молчании минут сказала любимая. – Я всё сама понимаю.

А потом, уткнувшись мокрым лицом в мою шею, прошептала: – Ну такая я. Ничего меня не учит.

– Да, родная моя! Да, Даша Севастопольская, – прижал я к себе самое дорогое, самое ценное, что у меня было, есть и будет всегда в этой бренной жизни.

…Мы досматриваем информационную программу. Но в этот момент я так далёк от неё. Думаю, удобно ли будет позвонить доктору Пэдурару и попросить о встрече. Мне совсем не нравится какой-то отвлечённый взгляд Маргоши, который изредка я перехватываю.

Глава пятая

ОНА

Вадик включил в машине флешку, на которой записаны мелодии, исполняемые испанскими гитаристами. Готова слушать их часами. Особенно, когда за рулем любимый мужчина и впереди долгая дорога. Сегодня, к сожалению, путь относительно близкий – в Центр неврологии. Решилась, наконец, встретиться с доктором Пэдурару.

Ловлю в зеркале взгляд мужа.

– О чем задумалась, родная? – Он чуть поворачивает голову к заднему сидению, где сижу я, держа на коленях папку с анализами.

– Не могу понять, где мы?

Я отличаюсь феноменальной неспособностью ориентироваться на местности.

– Скоро въедем в район Малой Малины, а там до Центра – рукой подать, – смеется мой мужчина.

– Не надоело ехидничать над маленькими недостатками любимой женщины? – бурчу я с притворной обидой.

Вадик продолжает смеяться:

– Нет-нет! Просто я вспомнил, как ты меня привела в Париже вместо гостиницы в квартал красных фонарей.

Здесь и я начинаю смеяться. Благо, стоим в пробке и есть повод отвлечься от мрачноватых мыслей.

…Много лет назад, когда наши отношения еще носили конспиративный характер и я, отправляясь в квартиру Вадика, как шпион, озиралась на каждом шагу – нет ли где слежки, то бишь знакомых, нам крупно повезло. Я от телевидения, а он от агентства были включены в группу журналистов, которые должны были освещать официальный визит руководителя республики во Францию.

Весна! Париж, в котором ни он, ни я никогда не были! И вдвоем!

Господи, большего счастья, как мне казалось тогда, не могло быть. И была права.

Несмотря на рабочие обязанности, которые мы исполняли играючи, и на то, что я параллельно снимала фильм о Париже, у нас было немного свободного времени. Но уединиться мы никак не могли. Я жила в гостиничном номере с коллегой с радио, Вадим – с другом-газетчиком. Наш отель располагался в относительной близости с отелем де Крийон – фешенебельным дворцом у сада Тюильри и Ели-

сейских полей, который стал резиденцией для руководителя нашей республики.

И вот, сняв интервью с президентом Молдовы, узнаем, что до следующего дня свободны. Все коллеги мечтают побродить по ночному Парижу, а мы, переглянувшись с Вадимом, объявляем, что хотим отправиться в гостиницу, чтобы отдохнуть. Кое-кто из них понимающе переглядывается. Но нам на это плевать. Воздух Парижа опьяняет.

Вадик не догадывался тогда о моей «удивительной» способности ориентироваться на местности. А я, так как говорила через пень-колоду по-французски, посчитала себя знатоком Парижа. Выйдя из роскошного зала отеля, где почтительную тишину оттеняли серебряные звуки арфы, струны которой перебирала изысканно одетая мадам, мы окунулись в автомобильный гул Елисейских полей.

Почему я решила тогда, что надо идти направо, а не налево, до сих пор не понимаю. Ну и пошли, ведомые моей интуицией. Чем дальше удалялись от центра, тем сильнее во мне крепла мысль, что идем не в своем направлении. Сначала спрашивать у встречных не хотела, держа перед Вадиком фасон. А когда решилась, редкие прохожие куда-то исчезли.

До сих пор он, молча обнимавший мои плечи, вдруг чмокнул меня в ухо и безапелляционно заявил:

– Заблудились, Сусанин! Пошли вон к тому магазинчику. Сможешь узнать?

– Постараюсь, – полушепотом ответила я, судорожно вспоминая необходимые для этого французские слова.

Чем ближе подходили к ярко светящимся в парижских сумерках витринам двухэтажного строения, тем больше меня охватывало смятение. Еще бы ему не появиться. Мы подходили к впервые увиденному мной в жизни секс-шопу.

Тихий ужас сковал все тело. Ватные ноги словно приросли к булыжникам мостовой, которую мы начали переходить в направлении этого, как еще в недавние времена Советского Союза писали газеты, гнезда разврата.

– Чего ты испугалась? – увидев мое состояние, рассмеялся Вадим. – Это в СССР не было секса. А сейчас откуда мы приехали сюда? Вот-вот, из независимой и суверенной Республики Молдова, которая стала на путь европейской интеграции. Так что пошли интегрироваться, – подхватил он меня под руку.

Дальше – еще интереснее. Я безуспешно пыталась узнать у огромного улыбающегося афроамериканца, как пройти к нашему отелю. Тот только скалился белозубой улыбкой и совал мне в руки

упакованные в целлофан кассеты с порнографическими фильмами.

Я сначала не могла понять: почему эти кассеты? Потом дошло. На каждой из них в названии присутствовало слово «hotel».

Я рассмеялась и хотела поделиться своим наблюдением с Вадиком. Но его рядом не было. Любимого обнаружила у стены, где он с интересом рассматривал черные, светлые и почему-то красные фаллоимитаторы самых разных размеров.

Продавец, перехватив мой взгляд, подхватил под руку и чуть ли не потащил к Вадиму.

– Ну, что, солнышко, узнала, как добраться до нашего отеля? – оторвав взгляд от этого пиршества искусственной плоти, поинтересовался он.

Я беспомощно развела руками, стараясь не смотреть в ту сторону. Хотя, если честно признаться, это все начало меня заводить. Чувствовала, как к щекам прилила кровь и внизу живота начали порхать бабочки.

В переговоры с афроамериканцем на какой-то англо-французской тарабарщине вступил Вадим. Закончились они довольно неожиданно, в очередной раз повергнув меня в смятение. Хозяин магазинчика, а смеющийся гигант оказался именно им, втолковал, что до отеля, где мы остановились, так позд-

но можно добраться только на такси и стоить это будет много. Увидев наши смущенные улыбки, он предложил за меньшую и намного стоимость переночевать здесь, на втором этаже, где он держит несколько номеров для постоянных клиентов. И, подхватив за руки, потащил по скрипучей лестнице наверх. Мы то особо и не сопротивлялись, понимая, что лучше здесь, чем ночью на улице, хоть и парижской.

Комнатка приятно удивила чистотой и огромным распятием над широкой кроватью.

– Ты помнишь, что мы с тобой вытворяли в ту ночь? – улыбается Вадик, тормозя в очередной пробке.

Еще как помню! А вот то, что мы можем опоздать на прием к доктору Пэдурару, меня напрягает.

Любимый давно научился читать мои мысли. Кстати, как и я его.

– Успеем, – бросает он и втискивается нашей машиной в только образовавшийся в скоплении автомобилей просвет.

– Да, так ты помнишь? – продолжает он прерванный разговор.

– Вадик, успокойся, наконец. Конечно, помню.

Еще бы не помнить! Парижская ночь, окутавшая нас, дарила аромат сладкой непристойности каждо-

му жесту, движению, поцелую. А Вадик, утопая во мне, шептал: «Она была полураздета, / И со двора нескромный вяз / В окно стучался без ответа. / Вблизи от нас, вблизи от нас. /»

– Ну, не хочешь говорить, не надо, – тянет обиженно мой боец.

– Так! – беру вожжи в свои руки. – После консультации у доктора, если все будет нормально, я тебе кое-что напомню из той парижской ночи. И даже строки Рембо!

Вадик довольно хрюкает, заезжая на стоянку Центра неврологии.

Глава шестая

ОН

Мне стыдно перед мужчинами и женщинами, которые сидят у кабинета профессора Пэдурару в ожидании своей очереди на консультацию. У каждого из них в глазах надежда, надежда и надежда. Кто-то посматривает в мою сторону с неодобрением, кто-то делает вид, что не заметил, как я, минуя их, завел Маргариту в кабинет. Но не могу же объяснить, что у нас была договоренность с доктором на определенное время.

Чувство неудобства не проходит. Выхожу на мокрое от дождя крыльцо. Легче не становится. Съежившиеся от непогоды деревья мрачно протягивают свои темные голые ветки к корпусам, в окнах которых иногда мелькают бледные лица больных. У заднего крыльца здания стоит полицейский фургон, вокруг которого суетятся люди в форме мышиного цвета и с пистолетными кобурами на боку. Они выводят из машины затравленно озирающегося по сторонам человека, на руках которого холодно блестят наручники.

Иеронима Босха сюда. Мог бы разнообразить свой «Страшный суд» этими сюжетами.

Возвращаюсь в помещение. Рита еще там, за дверью. А здесь пахнет сырой одеждой и … страхом. Мне знаком запах страха, я чувствую его.

…Эта история случилась лет двадцать назад. Кстати, она началась тоже в ноябре. Правда, тогда задержавшееся до неприличия бабье лето настраивало настолько на авантюрные поступки и решения, что казалось, за окном царствует легкомысленная весна.

Ничем иным я не могу объяснить и сегодня, почему согласился с Маргаритой лететь тогда за океан на юбилей нашего друга Бориса. Нет-нет! К этому событию, а для нас это было именно событие, мы готовились загодя. По Ритиному сценарию на телеканале сняли ролик, посвященный юбиляру. В подвалах у антикваров обнаружили настольную бронзовую композицию, которую решили преподнести лично. Что путного можно еще подарить богатому человеку, к которому относишься с огромной симпатией, если не с любовью.

Самые суматошные дни наступили, когда Ритуля стала переделывать несколько костюмов и платьев, заказанных заранее. И с этим справились.

Со мной было легче. За день до вылета в Торонто я приобрел смокинг и, выйдя из примерочной, нарвался на Маргошину реплику:

– Сэр, вам домработница не нужна!

– Не понял?! Настолько хорош? – рассмеялся я.

– Настолько импозантен, что мне надо срочно заказывать новые платья, – расхохоталась Маргоша.

И закашлялась. Так глубоко и долго, что я бросился к продавцам за водой.

Приехав домой, настоял, чтобы измерила температуру. 38,5! Как сейчас помню.

– Мы никуда не летим! – категорично заявил я.

– Извини, мы не можем не лететь. Борис столько для нас сделал, и из-за какой-то простуды не поздравить…

– Это можно по телефону, – пытался возразить Маргарите.

– Нет, извини, родной, но нам надо быть там! Любовь по телефону трудно передать.

Поняв, что спорить бессмысленно, а такое случилось впервые у нас, я решил прибегнуть к последнему средству и позвонил помощнику Бориса, который на его самолете прибыл за нами.

Ожидаемой поддержки от Славы я не дождался, зато Марго получила от него в аэропорту какую-то таблетку, после которой кашель на девять часов полета прекратился да и температура упала до нормы.

За пять дней, что мы были в Торонто, Маргарита стала душой многочисленной и многоязычной компании друзей Бориса, которые прилетели к нему со всех концов света. Она чувствовала себя как рыба в воде в философских беседах, которыми порой заканчивались наши застолья, в разговорах за чашкой кофе с именитыми учеными и политиками.

Я понимал, что она держится на чудо-таблетках, которыми ее снабжал помощник Бориса. И даже уверовал в то, что они ее вылечат.

Но в один из вечеров, когда мы шумною толпой возвращались в гостиницу из греческого, на этот раз, ресторана, ко мне подошла Наташа, жена Бориса, и попросила отойти с ней в сторону. В неоновом свете витрин я заметил, что ее всегда смеющиеся серо-голубые глаза на этот раз были задумчиво сосредоточены.

– У меня предложение, Вадим. Задержитесь, если можно, на какое-то время, в Торонто. Я хотела бы сходить с Маргаритой проконсультироваться в одну университетскую клинику. Мне не нравится ее дыхание. – Наташа повернулась, словно ища поддержки, к стоящему рядом мужу.

– Давай, Вадик! А потом полетите через Франкфурт домой, – сказал он.

– Спасибо огромное! Но я должен посоветоваться с Ритулей!

– Ок. Потом скажешь мне. – Борис подхватил под руку Наташу, отходя к группе гостей.

Марго была необычно категорична:

– Нет, дорогой мой! Мы летим обратно вместе со всеми…

Спорить было бесполезно.

Ее категоричность понял чуть позже, через неделю, когда сидел в отдельной палате Кишиневской больницы и невероятными усилиями старался придать лицу оптимистическую улыбчивость.

Попала Маргоша туда через день после нашего прилета. Тогда и призналась, что не хотела меня в Торонто расстраивать, но последние дни чувствовала себя там очень плохо. Это и не ускользнуло от глаз Наташи.

А в Кишиневе случилось то, после чего я стал распознавать запах страха. Это был мой страх. Мой ужас!

На третий день пребывания Ритули в больнице мне позвонила наша общая подруга, которая заведовала больничной клиникой, где и находилась теперь моя жена.

– Ты можешь ко мне подъехать?

– Прямо сейчас?

– Да, желательно.

Ее голос был необычно сух.

Бросив все редакционные дела, я помчался на другой конец города. В голове билась только одна мысль: что с Ритой?

Этот разговор с нашей подругой, назовем ее Татьяной, фотографически отпечатался у меня в голове.

Татьяна сразу:

– Ты не должен ничего говорить Марго. Ты меня понял?

Я на автомате:

– Почему?

– Потому что у нее рак. Рак легких.

Вселенная обрушилась на меня. Вазоны с цветами, стоящие в кабине, завертелись перед глазами в сумасшедшей пляске. Серые глаза Татьяны стали расти, наезжая на мое лицо.

– Ты слышишь? – вернул в страшную реальность голос Татьяны, прорезавшийся сквозь запах страха, спеленавшего меня в огромный неподвижный кокон.

– Я могу пойти к ней? – Я хотел видеть свою любимую девочку сейчас, в этот миг. Поддержать ее. Как? Не знаю. Но я должен был быть вместе с ней.

– Я тебя провожу. Только, пожалуйста, не говори Марго ничего. Она не должна знать.

– Что знать?

– Что у нее раковая опухоль в легком.

Господи!

Помню только, что нёс какую-то чушь, целуя Ритины руки и обещая, что всё будет хорошо и вечером я снова приеду.

Она смеялась в ответ и успокаивала меня, чтобы я так не волновался из-за недолеченной простуды.

Как мне все было безразлично в те минуты, когда я возвращался из больницы. Все вокруг было чужое: люди, город, звуки, небо. Все было страшной декорацией к драме «Потеря любимой». Лицо было мокрым. Я не понимал, да и не хотел понять, что это – слезы или дождь.

В тот день я понял, что горе не бывает общим. Никогда! Оно сугубо личное. Твое, мое, её. И никакие слова поддержки не зальют до конца тот костер горя, в котором у тебя пылают мысли, чувства…

Вечером, я не знаю зачем, пришел в палату к Маргоше с бутылкой коньяка, апельсинами, конфетами.

Мы говорили обо всём, кроме болезни. Улыбались друг другу. Я пил коньяк, как воду. Она ела апельсины, хотя их не любила.

Эта идиллия продолжалась довольно долго, пока Марго, посмотрев мне прямо в глаза, не спросила:

– Тебе Таня что-то говорила?

По тому, как она задала вопрос, как смотрела, я понял, надо говорить правду:

– Да, говорила.

– Так зачем мы ломаем друг перед другом комедию? Она мне сказала, чтоб я тебе ничего не говорила…

– Мне то же самое.

Мы посмотрели друг на друга, улыбнулись и обнялись. Не знаю, насколько улыбки были уместны в тот момент. Но я почувствовал облегчение, что не должен обманывать Ритулю. И, самое странное, надежду. И жажду что-то делать. Сейчас, в этот миг, немедленно, чтобы спасать мою любимую.

Поздно вечером я дозвонился до нашего знакомого, очень опытного рентгенолога Николая Николаевича. Договорились, что я привезу Маргариту с утра в его институт.

Диагноз профессора со смешной фамилией Заливайко гласил: гнойное воспаление легких. Татьяна мгновенно изменила протокол лечения, и через день мне позвонила Рита:

– Прорвало гнойник…

…А вот и Рита выходит из кабинета профессора Пэдурару. Лицо серьезно озабоченное. Но увидела меня и расплылась в улыбке.

– Все хорошо, родной! Кое-какие лекарства профессор мне выписал. Но говорит, что для моего возраста – полный порядок. Даже пригласил на лекцию, чтобы продемонстрировать студентам, – обнимает меня, обычно сдержанная на людях жена.

– Отлично, – говорю я ей, а сам укрепляюсь в мысли пораспрашивать профессора наедине о здоровье Маргоши. Слишком уж она оптимистично оживленная после визита к нему.

Глава седьмая
ОНА

Настроение препоганое. Общение с Пэдурару ничего хорошего, но, правда, и ничего плохого пока не принесло. А с другой стороны, как на это посмотреть. Уверена, что Вадик прочувствовал моё настроение на выходе из кабинета и захочет встретиться с Пэдурару без меня.

Я ничего от мужа не желаю скрывать. И никогда не хотела. Просто привыкла к тому, что в подобных ситуациях надо самой во всем разобраться, а только потом делиться с Вадимом. А вот он – наоборот. Любая царапина, боль сразу возносятся в абсолют, и он смотрит на меня таким умоляющим о помощи взглядом, что я не выдерживаю и, после того как отхохочусь, начинаю искать бетадин, зеленку, бинт, необходимую таблетку.

…Кстати, мой любимый что-то сотворяет на кухне, но молча. Это довольно непривычно. На цыпочках захожу туда. Вадик делает вид, что полностью поглощен приготовлением салата. Не оборачиваясь ко мне, моет черри, петрушку, кинзу.

Не выдерживаю:

– Классную зелень выращивает на даче Лиля…

Он молчит.

– Знаешь, она рассказала мне, как приготовить закуску из авокадо. Попробую сделать. Помнишь, когда мы гостили у них на даче, ты еще братику своему нахваливал ее, мол, как хорошо идет под водку. А Лиля услышала и, пока вы с Юркой «дегустировались», дала мне рецепт.

Ноль внимания. Только редкое капание воды из неплотно закрытого крана и стук ножа о доску, на которой Вадик с ожесточением четвертует огурцы.

– И долго собираешься пытать меня молчанием? – Я подхожу к мужу, прижимаюсь к его спине.

Боже, какой родной запах!

Вадик оборачивается. В одной руке нож, в другой недорезанный помидор, сок которого стекает по широкой кисти мужа. И глаза! Требовательно-вопросительные.

– Ладно, родной, успокойся. Ничего страшного. Все в рамках возраста. Он сказал, что надо начинать принимать таблетки для улучшения кровообращения головного мозга.

Вадик продолжает молча глядеть на меня, но взгляд смягчается.

Наконец, улыбается:

– На этот раз поверю.

Опаньки!.. Хоть настроение и не очень, но захотелось подыграть мужу. И я атакую с нотками праведного гнева в голосе:

– А почему «на этот раз?»

Он подхватывает:

– Не хочу напоминать о твоих ухажерах…

Обожаю эту тему в наших с Вадиком периодически возникающих подобных диалогах. До сих пор не уверена, как у него, но моя жизнь с Вадимом и прелюбодеяние – понятия несовместимые. Знаю, что любой женщине приятно мужское внимание. Но вот формы этого внимания бывают, как бы это помягче сказать… ну, наверное, разные. А рассказать иногда о них хочется. Не из хвастовства – смотри, мол, какая я у тебя – мужики штабелями падают! Просто, интереса ради. Ну, и, наверное, все-таки из небольшого женского кокетства перед любимым.

…Работала я тогда на молдавском Гостелерадио, жила с первым мужем и слышать-не слышала о каком-то Вадиме, который приближался уже ко мне шагами Блоковского Командора. «…Пролетает, брызнув в ночь огнями, / Черный, тихий, как сова, мотор, / Тихими, тяжелыми шагами / В дом вступает Командор…»

Но с другой целью – сделать меня счастливой.

Так вот, требует однажды меня к себе сам руководитель нашего многотысячного коллектива. Ни разу с ним не общалась, однако слышала, что был он грозен, но справедлив. Да еще и с чудинкой.

Рассказывали, что увидел он в один зимний день из окна своего кабинета, как шагает по двору молодой сотрудник, а на голове у того красуется пыжиковая шапка. Гнев Пантелея Никитича был неописуем. Заикаясь от возмущения, он вызвал в кабинет секретаршу, ткнул в окно дрожащим пальцем и приказал немедленно доставить к нему «этого молодого наглеца». И стал распекать того: « Как вы смели?! Что вы себе позволяете?!..» Сотрудник стоит ни жив ни мертв, не понимая, за что на него обрушился начальственный гнев. И только в конце разноса до него доносится: «Как вы посмели носить пыжиковую шапку? Это привилегия руководителей республики!»

Тогда купить пыжиковую ушанку было физически невозможно. Она, меховая шапка эта, распределялась через закрытую систему снабжения руководителей чуть ли не с разрешения Центрального Комитета партии. И только когда молодой телевизионщик сумел испуганно прошептать, прервав возмущенный монолог председателя Гостелерадио, что ушанку дал поносить тесть, депутат Верховного Со-

вета, Пантелей Никитич успокоился и отпустил подчиненного с миром.

Может, это была и легенда, но вспомнила я ее совсем некстати, открывая дверь приемной нашего руководителя.

Однако здесь меня ждал радушный прием.

«Проходите, пожалуйста, Маргарита Александровна», – удивила любезностью секретарша начальника, прозванная в коллективе «мегерой» за свой, мягко говоря, суровый характер.

Имя-отчество специально узнала, да еще и поинтересовалась: « Какой чай предпочитаете – зеленый или черный?»

Ну, а когда к чаю, занесенному в кабинет, Пантелей Никитич вытащил из сейфа коробку «Мишки на Севере» фабрики Рот Фронт, моему изумлению не было предела.

Мысли разбегались, как тараканы. Хочет сделать своей любовницей? Из области фантастики! Начальник свято соблюдал моральные принципы настоящего коммуниста. Об этом у нас знали все. Хотя «цветничок» в телекомпании был еще тот. И некоторые «кудесницы» готовы были на любые «жертвы», чтобы пробиться на экран, получить престижную передачу, просто найти щедрую мужскую руку.

Пробивались, получали, находили! Но только не с помощью Пантелея Никитича. Святой мужик был. В этом отношении.

А здесь не только конфетами угощает, но улыбается и смущен. Точно смущен! Совсем голова у меня кругом пошла.

Наконец, с политесами закончено, и начальник прервал молчание:

– Вы, Маргарита Александровна, должны быть завтра (время за давностью лет запамятовала) в кабинете секретаря ЦК по сельскому хозяйству товарища Попятко.

– Но, Пантелей Никитич, я ведь не веду тему сельского хозяйства…

– Ничего не знаю, указание свыше, – многозначительно ткнул пальцем куда-то вверх начальник. – Пропуск вас будет ждать у постового на первом этаже Центрального Комитета.

– Но я не член партии, а там, говорят, без партбилета не пропускают, – попыталась я возразить.

Появилось какое-то неприятное ощущение от подобной настойчивости.

– Вас пропустят! И никаких возражений!

Пантелей Никитич, словно маску снял, входя с облегчением в привычный образ сурового начальника.

– Брать с собой телевизионную группу? – бросила я себе спасательный круг.

– Никаких групп! Секретарь ЦК хочет разговаривать с вами лично! – отрубил начальник, давая понять, что аудиенция затянулась.

Выходила из кабинета с крепнущим в груди чувством грядущих неприятностей.

…Огромный кабинет секретаря ЦК по сельскому хозяйству настолько подавлял пространством и чиновничьим безвкусием, что я не сразу приметила его хозяина – коротышку с бритой головой. Только когда он выплыл, другое слово трудно подыскать, из-за огромного полированного стола и застыл у его края, ожидая меня, я смогла его рассмотреть.

В свою очередь и он, голубоглазый крепыш лет 45-и, оглядел меня с головы до ног. Затем не только пригласил сесть в кресло, но и сам расположился напротив.

А дальше пошел набор приятностей в мой адрес: и какие у меня интересные передачи, и как он сам хочет выступать у меня, но вот времени не хватает! И каковы успехи нашего аграрного сектора! И так далее и далее…

Минут через десять я уловила главную мысль хозяина кабинета: он приглашает меня в поездку

в Израиль. «Нет-нет, конечно не со мной одним, а в качестве журналиста, который донесет до нашей общественности итоги переговоров молдавских и израильских коллег».

Поездка в Израиль, где никогда не была, – великое искушение. Но по едва скрытым намекам товарища Попятко я поняла, что приглашение это делается не за просто так.

И он, видно, почувствовал, что я догадалась и мне это неприятно. Лоск светского льва мгновенно слетел, и товарищ секретарь стал нахраписто нагл.

– Поездка будет в мае. Пантелей Никитич вам сообщит точную дату. Вы свободны!

И снова окинул меня взглядом с головы до ног. Но на этот раз смотрел цинично, раздевающе. Он уже не сомневался, что птичка попалась и клетка захлопнулась.

Дудки, товарищ Попятко! Я для себя твердо решила: не поеду вплоть до увольнения с работы.

– И ты ушла бы с телевидения? – спросил меня через несколько совместных лет нашей жизни Вадик.

Мы лежали, помню, на неразобранном еще диване. Были самые любимые наши часы, когда вечер вместе с затухающим шумом автомобилей начинает

неотвратимо проглатывать ночь. Она метит свое присутствие редким скрежетом лифта, чуть проникающими из-за стены любовными всхлипами соседки…

– Без сомнения! Но Пантелей Никитич оказался верен своим моральным принципам.

…Когда я рассказала ему о разговоре с секретарем ЦК, он долго смотрел мне в глаза, а я – на его мрачное лицо.

– Маргарита Александровна, успокойтесь. У вас будет очень важное интервью с членами кубинской делегации, которые как раз в мае к нам и прибывают. А заменить мне вас некем. Указание Первого!

И он снова, как недавно, ткнул пальцем вверх. И улыбнулся краешком губ.

А может, мне показалось или хотелось, чтоб было так.

– Вы меня поняли? – грозно сказал он и повернулся к стоящему на столе телефонному аппарату белого цвета – «вертушке».

Аудиенция была закончена.

Некоторые коллеги женского пола долго считали меня городской сумасшедшей. Отказаться от такой поездки и такого покровителя?!

…Честно говоря, ухажеров у меня было достаточно. Среди них и яркие личности, которые могли разительно изменить мою жизнь.

Но зачем мне это надо, если я люблю вот этого обормота, что режет сейчас салат и задает провокационные вопросы?

Я забираю из его рук нож, развязываю тесемки моего кухонного передника, который он нацепил на себя, и решительно тесню в сторону спальни…

Глава восьмая
ОН

Разговаривал с Пэдурару. Как всегда, с его стороны в начале беседы – шуточки-прибауточки, но взгляд серьёзный.

– Не напрягайтесь раньше времени, Вадим Ефремович, – пытается меня успокоить доктор. – Как я сказал и Маргарите Александровне, наблюдаются возрастные изменения, которые можно локализовать пока медикаментозно…

Обращаю внимание на слово «пока», но молчу.

– Времени у нас достаточно…

Не выдерживаю:

– Извините, Ион Петрович, до какого момента, какого рубежа у нас достаточно времени? И почему вы сказали «пока медикаментозно»?

Доктор пускается в длинные рассуждения об истории болезни, многолетних исследованиях ее первопричин, поиске действенных лекарств и … И я понимаю, что моя любимая попала в жернова болезни, которую сегодня нельзя вылечить.

Я вижу, как беззвучно шевелятся полные губы Пэдурару, как вертит он в руках плохо заточенный карандаш, как заглядывает в окно нахохлившийся воробей, усевшийся на заиндевевшую ветку.

И все это я вижу в ватной тишине, окутавшей меня до полной беспомощности. Не могу произнести ни слова: язык опух и не помещается во рту.

– Вадим Ефремович, Вадим Ефремович! – слышу голос доктора, пробивающийся издалека.

Он протягивает мне стакан с водой и какую-то таблетку розового цвета. Странно, я обращаю внимание на ненужные мелочи. Сердце готово выскочить из груди.

– Успокойтесь, пожалуйста! Вы же недослушали меня.

Я с надеждой вскидываю голову.

И Пэдурару рассказывает мне, что с такими симптомами люди живут десять – пятнадцать и даже двадцать лет.

– Но лекарства для полного излечения от этой болезни еще не создано, – уточняет доктор, но через мгновение обнадеживает: – Говорят, в Канаде его поиски близки к завершению.

…Опять Канада! Снег пытается залепить лобовое стекло машины. Дворники суетливо гонят его прочь. Грязно-белые улицы Кишинева своей неухо-

женностью усугубляют паршивое настроение. Надо позвонить Борису. Может, узнает что-то более конкретное об этом лекарстве.

Оживает мой мобильник. Маргоша.

– Вадик, ты попал к Пэдурару?

Я не говорил, что еду к доктору. Если б он ей позвонил, то она не спрашивала бы меня, был ли я у него.

– Почему молчишь? – тревожно спрашивает Марго.

– Я за рулем…

– Ой, прости!

– Солнышко, все нормально. Дома расскажу.

Господи, какая у моей любимой интуиция!

Сколько раз эта интуиция выводила меня из сложнейших ситуаций! А однажды спасла и жизнь.

…Нежданно-негаданно мне вечером позвонили домой, а мы с Марго тогда еще не жили вместе, и предложили в течение 24 часов отбыть на полугодовую переподготовку в Военный институт иностранных языков. Отвертеться от столь неожиданного предложения не было никакой возможности, и наши с Ритулей планы впервые провести отпуск вместе на Южном берегу Крыма растаяли, как утренний туман.

Но это было еще не все. Прибыв в Москву, я был поставлен в известность, что через неделю мне предстоит отбыть в одну небольшую свободолюбивую страну. До сих пор не знаю, каким образом два разных ведомства – военное и мое родное начальство – определили, что именно я тот человек, который оказался в нужное время в нужном месте.

Но в результате, наспех экипированный, я летел в государство, название которого всегда у меня ассоциировалось с песней Михаила Светлова: «…Но песню иную / О дальней земле / Возил мой приятель / С собою в седле. / Он пел, озирая / Родные края: / “Гренада, Гренада, / Гренада моя!”»

Не буду рассказывать, как в короткий срок научился более-менее говорить на языке патуа – карибском диалекте французского, как по утрам доплывал до коралловых рифов, дальше, в океан, плыть не советовали аборигены. Нередко там промышляли акулы.

Но это были приятные мелочи на фоне напряженной работы журналиста в стране, ожидавшей высадки на этот живописный остров десанта вооруженных сил одного большого государства.

Был конец октября. Рано утром малюсенький клочок земли в Карибском море накрыла тень сотен вертолетов.

Не хочу вспоминать подробности кровавой бойни, претенциозно названой операцией «Вспышка ярости». Битва Давида и Голиафа.

Только на третьи сутки, когда душный вечер еще рвали на куски спорадические перестрелки в различных частях острова, когда испуганные жители стали выбираться из вечнозеленых зарослей мускатного ореха, я сумел дозвониться по ожившему телефону корпункта до Маргариты.

– Господи!.. Ты жив!!!!! Ты жив!!!

– Родная…

– Ты цел?

– Да, родная, я хочу…

– Ты, когда оттуда можешь выбраться?

– В посольстве сказали, что завтра прилетает борт из Союза и заберет бо̲льшую часть нашей колонии.

Тишина на том конце провода и неожиданный вопрос:

– Далеко от тебя до аэропорта?

– Ну, он примерно в пяти милях от города, а к чему?

– Не смейся, но мне приснился странный сон. Расскажу, когда приедешь. Вы на чем туда поедете?

– Не знаю еще. Наверное, на автобусе нашей миссии. А что?

– Очень прошу, очень! – голос Маргоши дрогнул. – Постарайся поехать в аэропорт на такси или другой машине. Только не на автобусе.

– Но…

– Очень прошу…

Связь прервалась.

…На следующий день я вместе с преподавательницей английского языка в посольской школе на полуразваливающемся такси добрался до аэропорта. Там узнал, что наш автобус был обстрелян по дороге из Сент-Джорджеса. Есть многочисленные жертвы.

…Марго в своем любимом, пастельных тонов, халате. Взгляд требовательно-вопросительный.

Я рассказываю о визите к Пэдурару в никому из нас ненужных деталях, стараясь скрыть за ними главное. Кажется, удается. Но на душе дерьмово. Не выдерживаю, обнимаю свою родную женщину, утыкаясь в ее шею. Не хочу открывать глаза.

– Ты что-то скрываешь, Вадик?

– Нет, солнышко, нет! Но лечиться нам надо серьезно.

Она смотрит на меня со всё понимающей грустной улыбкой и уходит в кабинет.

Глава девятая

ОНА

Мне в Вадике всегда нравились несколько черт характера, которые у меня до встречи с ним числись по разряду фирменных комплексов. Его оптимизм, кажущаяся легкость решений в очень сложных ситуациях, умение оценить себя в любом обществе и вести соответственно – вызывали у меня в первое время недоумение и лёгкое раздражение. Но время расставило всё по местам. И я, благодаря мужу, сумела по-новому взглянуть на себя, оценить свой потенциал женщины, у которой всё на месте: и мозги, и внешность, а главное – есть по-настоящему любимый мужчина. Ох, как много это значит для меня, особенно сейчас. Это я про мужчину, который деликатно оставил меня наедине со своими мыслями. Полулежу в кресле, тупо уставившись в телевизор. Мысли совсем далеко и не очень хорошие. Открывается дверь, появляется мой любимый и безапелляционным тоном заявляет:

– Готовь, дорогая, вещички, через неделю летим в Дубай погреть наши старые косточки.

Предела моему изумлению в тот момент не было конца.

– Тебе не кажется, родной, что ты нашёл неудачное время для подобных шуток?

– Не понял!

Вадим с таким изумлением смотрит на меня, что я начинаю сомневаться в проблемах со своим здоровьем. Он буквально заражает своим оптимизмом. И так – уже долгие годы.

Раньше, до нашей встречи, как уже говорила, у меня было много комплексов. Не скажу, что и сейчас от некоторых из них избавилась, но от основных – да.

С высоты сегодняшних лет (ох, как тяжело об этом вспоминать) я думаю, что мои комплексы появились в юности от того страха, который царил в стране. Помню папа утром, уходя на свой консервный завод, который возглавлял, каждый раз убеждался, стоит ли в прихожей под столом маленький коричневый чемоданчик. Мы с сестрой тогда не понимали, что в нём было. А были там вещи, необходимые на случай его ареста.

Не дождавшись моего ответа, Вадик выходит из кабинета с улыбкой на лице. Мол, заронил я в твою душу хорошую идею, а ты ее хорошо обмозгуй.

Прав мой милый авантюрист. Неплохо знает мой характер.

Но почему-то хочется продолжить копание в природе своих комплексов. Вспоминаю мамин рассказ о часовщике, который жил в те далекие годы на нашей Ремесленной в Симферополе. Работал он на дому, что категорически не разрешалось по законам тех лет. Но его никто не трогал. Соседи как-то не задумывались об этом. Работает человек ну и работает. Не боится власти, значит, верит в свой фарт.

Была у часовщика привычка: каждое утро он поджидал прохожих на узкой тропинке, ведущей мимо Греческой церкви в центр города. Оживленно с ними заговаривал о последних новостях в мире и в их магале, о всякой всячине. Ну, любит человек поговорить. Чего и не пообщаться?

И вот однажды, как мама вспоминала, шел наш сосед парикмахер дядя Сёма по этой тропинке и встречает часовщика. Слово за слово, и спрашивает часовщик: «Сёма, чего ты такой худой? Что совсем дома кушать нечего?». Рассмеялся дядя Сёма: «Да нет, Миша! Пока у людей волосы растут, на кусочек хлеба гроши будут. А начет худобы, – так конституция у меня такая!». Посмеялись часовщик с парикмахером и разошлись.

На следующий день парикмахера арестовали. И никто никогда не узнал бы, почему это случилось, если б через полгода не выпустили дядю Сёму на свободу. Повезло. Среди его постоянных клиентов был некий чин из НКВД.

Рассказал по секрету всей магале дядя Сёма, что обвинили его власти в том, что он плохо отозвался о Сталинской Конституции. И связали соседи необъяснимые аресты своих родственников – портных, сапожников, хлебопеков, артельщиков… – со словоохотливым часовщиком. Никто тогда ни слова ему не сказал, ни намёка не высказал. Но когда тот через некоторое время заболел и не мог выйти из дома, где он бобылём жил, никто не откликался на его записки, летящие со второго этажа, с разными просьбами – хлеб купить, лекарства…

Чуть скрипнула дверь. В щёлке – хитрющий глаз мужа:

– Так едем?

Смеюсь:

– Не успела обдумать твою очередную авантюру.

– Почему авантюру? Уже созвонился с Борисом. Он сейчас там. Завтра закажет гостиницу рядом со своей квартирой, потом служба, всё забываю ее название, которая встречает на выходе из самолета, пришлет в аэропорт автомобиль.

Конечно, я ожидала нечто подобное от своего мужа, но такое…:

– Вадик, но ты хоть понимаешь в каком я сейчас настроении?! Мне до Дубая? Тем более, как хорошо тебе известно, я не люблю загорать.

– Так не будешь. Полежишь под тентом. А потом – там столько рыбных ресторанчиков со свежайшими лобстерами, устрицами…

– Устриц терпеть не могу. Помнишь, в Париже чуть не отравилась ими?!

По глазам Вадика вижу, что он понял мой ответ как начало капитуляции. Ха, ловлю себя на мысли, а, может, это и так. Да черт с ней, с этой болезнью! Когда еще будет ее конец?! И вообще, зачем думать о послезавтра, когда надо жить сегодняшним днем?

Тлетворное влияние идей муженька разлагает мою пуританскую душу. Господи, да что там осталось от пуританизма после того, как влюбилась в этого разгильдяя?

Сам разгильдяй, видя, что дело с поездкой в Дубай почти на мази, вновь выскальзывает из кабинета.

А я снова предаюсь воспоминаниям. Только теперь о крушении моего пуританизма, а если точнее сказать, скованности на людях в проявлении своих чувств.

Мой ненаглядный видно давно это приметил и провел со мной смелый эксперимент на одном из черноморских курортов. В тот памятный день мы, как всегда, отправились на пляж с раннего утра, чтоб занять удобное место у кромки моря. До того, как проснулся народ и потянулся толпами к воде, мы успели пару раз окунуться и лежали, подставив солнцу свои незагорелые телеса. Разговор приобретал все более интимный характер, и я чувствовала, как волна желания накрывает меня. И в этот самый момент Вадик предложил пойти окунуться. Я поддержала идею, думая, что немного остужу так не к месту охватившее меня возбуждение. Но муженек, оказывается, планировал совсем иное.

Едва мы немного отплыли от берега, он начал ласкаться – обнимал, целовал и в какой-то момент, когда совсем усыпил мое внимание, стал снимать с меня плавки. Если честно, я старалась оказать слабое сопротивление, но сдалась, к своему удивлению, очень быстро.

До сих пор вспоминаю возбуждение, которое затопило меня в те долгие минуты. Вокруг люди – в море, на пляже. И на глазах у всех стоят по шею в воде двое и думают, что никто не видит их объятий, их судорог страсти, их онемевших губ, удерживающих рвущийся из горла стон.

Когда я выходила из моря, крепко держась за руку Вадика, то чувствовала себя Афродитой, дочерью Зевса и Дионы. Она, как и я в этот момент, олицетворяла земную любовь. Немного нескромно. Но я так тогда думала. Так думаю и сейчас. Но я не завидую Афродите. Более сложный и извилистый был у нее путь.

Мне, кроме Вадика, никого не надо. А вот и он входит в кабинет с чашкой кофе со сливками для меня. В другой руке бокалы – для коньяка и для вина. Я смотрю на него вопросительно.

– Один момент.

И исчезает, чтобы вернуться с двумя бутылками в руке: мое любимое Ais Wein (Ледяное вино) и коньяк «Суворов».

– Что отмечаем? – с иронией спрашиваю я, хотя догадываюсь.

– Ой, Ритуль, не скромничай. По-моему, ты меня насквозь читаешь. И давно.

Как же я люблю этого самоуверенного мальчишку!

Глава десятая

ОН

Не все коту масленица! Неожиданный ноябрьский снег спешит утвердиться в своих правах, заметая взлетно-посадочную полосу аэропорта. Нахохлились под его шапками самолеты. Снуют суматошно туда-сюда снегоочистительные машины. Дрожат на холодном ветру пассажирские трапы.

– По-моему, мы застряли, – задумчиво констатирует ситуацию за панорамным окном Маргоша.

Мы пьем кофе в ожидании объявления о посадке на самолет. Я понимаю, что Марго права. В лучшем варианте вылетим с опозданием. В худшем – вылет перенесут на следующий день.

– Конечно, это не радует, но, знаешь, чем мне нравятся зарубежные авиакомпании – они не рискуют. Им главное – безопасность полета. А на час или на день перенесут вылет – не играет роли, – говорю я, подготавливая жену к долгому ожиданию.

Она улыбается, прижимается к плечу:

– Какой среди нас завелся хитрец. Да не волнуюсь я совсем. Раз решили лететь, то обратной дороги нет.

…Обратной дороги нет. Эту фразу Ритуля произнесла много лет назад. Время было другое, я, наверное, тоже. А вот она сохранила ту красоту и обаяние молодости, придав им новое звучание. Каждый прожитый нами год, как искусный огранщик, открывает мне в ней все новые таинственно манящие глубины.

Немного высокопарно, но по-другому сложно передать те чувства, когда каждое утро смотрю в ее глаза, касаюсь чуть заметного пушка на шее, погружаюсь в ее тепло.

Вот также, как бы равнодушно, без излишних эмоций, она вдруг сказала в то утро, когда мы только проснулись в моей еще однокомнатной квартире: «Обратной дороги нет».

Я с удивлением посмотрел на неё, прекрасную в своей утренней растрепанности и свежести.

– У меня был разговор с Олегом, – после затянувшейся паузы сказала Марго. – Не хотела тебя беспокоить. Да и самой надо было подумать.

К тому времени я уже знал еще одну черту характера любимой. Она никогда не спешила делать выводы, делиться непродуманными мыслями. При всем своем темпераменте и эмоциональности, Марго была осторожна в оценках и начисто лишена же-

лания обсуждать ту или иную личность, событие, если не было для этого достаточных сведений.

Я молчал, ожидая продолжения.

…Олег, муж Маргариты, пришел к ней на телевидение неожиданно. Она была уверена, что всё между ними сказано, все точки расставлены над «i». Но он так не думал, привыкнув, что последнее слово в семье было чаще всего за ним.

Почему? Не знаю, но догадываюсь. Маргоша терпеть не могла выяснять отношения на эмоциях, предпочитая логику. Если не получалось достучаться до оппонента, она замолкала. Олегу, который в своем эгоизме за годы совместной жизни с Марго не разобрался в характере жены, невозможно было представить, что она способна кардинально изменить жизнь, уйти от него.

Вот тогда она и сказала Олегу, который взывал к её к разуму, к сохранению семьи, пытался вызвать жалость к его родителям, что «обратной дороги нет». Но её уход от него не означает, что они становятся врагами, что она перестает любить его отца с матерью.

Марго предложила Олегу дружбу. И с тех пор мы дружим. Вот и сейчас я вижу, как она говорит по телефону с Олегом, рассказывая, что мы, наверное, совсем не скоро вылетим в Дубай.

Закончив разговор, Ритуля неожиданно говорит:

– Вадик, по-моему, у меня появилась гениальная идея.

– Прямо так и гениальная?! – улыбаюсь я.

Она выжидательно смотрит на меня, ожидая вопроса. Ну, раз женщина хочет:

– А если можно, конкретнее.

– Тебе не кажется, что Борису нужно продолжить писать книги?

Я непонимающе вглядываюсь в чуть прищуренные глаза моей женщины.

– Ему с его бизнесом хватает проблем, а ты еще хочешь и это предложить. Не имела баба хлопот, заимела порося…

– Стоп-стоп! – Марго заводится. – Не что-то новое, а продолжить тему продовольственной безопасности в мире.

Рита давно удивила меня, а точнее, даже поразила своей способностью интуитивно чувствовать перемены в мире, видеть за разрозненными фактами явления, которые способны влиять в недалеком будущем на человеческую жизнь.

Писательство Бориса также началось с идеи Маргариты. Сначала было слово. Её. Мы сидели на пирсе загородного дома нашего друга, болтали ногами в прохладной воде озера Онтарио и философ-

ствовали о процессе глобализации, её негативном влиянии на экономическую ситуацию в мире.

Глядя на взлетающий гидросамолет, Маргоша заметила:

– Борь, а почему бы тебе не написать книгу о страшной штуке, надвигающейся на нас, – мировом продовольственном кризисе? У тебя же столько фактажа после поездок в Африку, Азию, на другие континенты!

Мы замолчали, ожидая продолжения. И оно последовало.

– Вон, самолет взлетел, – махнула Рита в сторону гидроплана, оторвавшегося от воды. – Так и богатые страны взмывают ввысь, неся комфортно своих пассажиров в манящие дали. А внизу остаются бескрылые, кто никогда и никуда не улетит, а будет ждать милостей от матушки-природы. А она не всегда щедра… Что-то я зааллегоризировалась, – улыбнулась Маргарита и уже серьезно добавила: – Борис, я готова быть твоим редактором. А книгу пока условно можно было бы озаглавить «Мировой продовольственный кризис: проблемы и перспективы».

…Под таким названием она, книга, и вышла, разойдясь по свету солидным тиражом. А Борис написал ещё несколько книг о мировом правопорядке, многополярном и однополярном мире.

Я смотрел в окно на заметенное снегом лётное поле и думал о неуёмности моей жены. А она, поглядывая на моё отражение, молчала.

– Почему именно сейчас тебя посетила эта идея? – не выдержал я.

– А ты не чувствуешь приближающейся катастрофы? Ты не чувствуешь, насколько стал хрупок этот мир? Помнишь, гидроплан над Онтарио? Он еще, в крайнем случае, мог, если б отказали двигатели, сесть на воду. А куда мы приземлимся? Где наши страховочные тросы? Их нет, дорогой! Вот поэтому и хочу уговорить Бориса продолжить тему мирового продовольственного кризиса.

Я восхищался женщиной, сидящей рядом. Её красотой, её незаурядным умом. И продолжал задавать себе вопрос, который задавал уже много лет: за что мне досталось такое счастье? Мне, который в юности не верил, представить себе не мог, что у него будет женщина, ради которой он, не раздумывая, готов отдать жизнь.

…Объявили посадку на наш рейс.

Глава одиннадцатая
ОНА

Я нервничаю. Казалось бы, пустяк: мы все время опаздываем на завтрак в отеле. Но Вадик воспринимает это, как Вселенскую катастрофу. Пока я привожу себя в порядок, он молча маячит за моей спиной, всем видом демонстрируя нетерпение.

Вот и сейчас. Вроде бы уставился в окно, за которым парят белоснежными чайками парапланеристы, плавными кругами закручивая спирали к кусочку суши, омываемой с трёх сторон водами Персидского залива.

– Через несколько минут буду готова. Только губы намажу.

– Хорошо, – не оборачиваясь бормочет Вадим.

Я стараюсь сохранять спокойствие. Ну, опоздаем на десять минут. Борис с Тамарой никуда с пляжа не денутся. Тем более, что мы попросили их найти удобное местечко.

– Ты нигде не видишь моего красного карандаша? – машинально говорю я, роясь в косметичке.

Все! Бум! Муж взрывается.

– Марго, ты же знаешь мою идиотскую педантичность!..

Слава богу, хоть может оценить свои слабые стороны, думаю я, стараясь побыстрее закончить макияж.

– Ну не могу я опаздывать. Физически не могу! – Вадим начинает беспокойно вышагивать по апартаментам. – Мы спустимся сегодня на завтрак или нет?! – бросает он в никуда.

Неужели не может за столько лет привыкнуть к тому, что я никогда не выйду из дома, если не приведу себя в порядок?!

В лифте несколько мгновений смотрю в зеркало на насупленное лицо мужа, потом поворачиваюсь и дотрагиваюсь пальцем до его нахмуренной переносицы.

– Ваши руки пахнут нежностью, – выдает он, наклоняясь ко мне.

Когда двери лифта распахиваются, ждущим его постояльцам отеля открывается неожиданная картина: мужчина и женщина, оба в довольно уважаемом возрасте, целуются, не обращая ни на кого внимания.

С дубайским солнцем шутить не надо. Вместе с морским бризом – это коктейль разрушительной силы. Перебираюсь под тент и, убедившись, что на-

дежно спряталась от возможного ожога, пытаюсь задремать. Сквозь бормотание прибоя, разноязыкий говор пляжной публики, обрывки разговора Вадима с Борисом уплываю в далёкое далёко.

…Чёрно-синие волны Балтийского моря почтительно осторожны с катером, бережно переваливая его с бока на бок. Мы – это я с Вадиком и его коллега по агентству, работающий в Риге, Эрик, который и устроил нам морскую прогулку, сидим на корме вокруг небольшого столика. Стаканы с водкой недовольно дребезжат, но специальные гнезда держат их надежно. Салака, разложенная на газете, так и просится в рот. Выпито уже достаточно. Вадиком. По Эрику,– двухметровому латышу с горой мышц и неподвижным взглядом серых глаз, это не заметно.

Мой муж решил отправиться по кромке борта на нос катера. Я пытаюсь его отговорить от опасной затеи. Но в таком состоянии он недоговороспособен. А здесь еще и Эрик его подначивает. Я смотрю на него непонимающе.

– Да пусть идет. Как у вас, у русских, говорят – пьяному море по колено?! – говорит он пренебрежительно и пересаживается ко мне поближе.

Я слежу с тревогой за Вадиком, который, с трудом удерживаясь за поручни, пробирается на нос катера. Качка усиливается. Хочу вскочить и броситься

на помощь мужу, когда огромная лапища Эрика ложится на мое бедро.

– Ничего с ним не случится, – наклоняется он к моему уху, слегка касаясь его губами, и передвигает руку еще выше.

Я – женщина воспитанная и мирная. Но за своих, не задумываясь ни о каких политесах, готова выцарапать глаза. И, кроме того, что за вольности этот мужлан себе позволяет?!

Я вырываюсь из его рук и так смотрю, что слюдяные глаза оживают и, кажется, что-то человеческое проскальзывает в них.

– Сейчас, сейчас, – частит он и шагает в сторону Вадима.

Но тот, заметно протрезвев, благополучно возвращается к нам и смеясь обрызгивает меня прохладной водой.

…Открываю глаза. Надо мной стоят только вышедшие из моря Вадим с Борисом.

– Красавица, так можно и фаршированные хвосты лобстеров проспать, – веселится Борис.

С трудом выныриваю в реальность. Уф! Вспомнится же такое! Собираем вещи, говорим о каких-то пустяках, но мысль, появившаяся во время сна, не дает мне покоя. Ладно, додумаю ее вечером. Главное, не забыть.

Не забыть… не забыть… не забыть… Все чаще замечаю, как из памяти вылетают события, произошедшие вот-вот – минуты, часы назад. Словно кто-то стирает их ластиком. И как я не пытаюсь восстановить, часто бесполезно. Пэдурару сказал мне, что это явление временное и прописал кучу таблеток для улучшения, по его словам, головного кровообращения. Но компьютер по-разному трактует подобные явления. Вадику ничего не сказала. Ни про то, что со мной происходит, ни про свои мысли об этом. Хотя, уверена, он догадывается.

Да, так что я хотела попросить Вадика напомнить мне? Вот, вспомнила! Есть еще порох в пороховницах!

Мы рассаживаемся вокруг стола, накрытого в тени деревьев, на берегу искусственного водоема, в котором плавают искрящиеся всеми цветами радуги утки. Видно, на них тоже падает отблеск богатств нуворишей, коротающих свободное время в этих песчаных краях, превращенных руками сотен тысяч индусов, пакистанцев, филиппинцев в райские кущи.

Запах денег, больших денег, казалось, витает над небоскребами, поражающими своей изысканной архитектурой, отелями, каждый из которых старается перещеголять соседние, серпантинами автобанов, по

которым на Ламборджини, Мерседесах, БМВ ездит местная полиция.

Не мое это все! Хотя интересно!

Наклоняюсь к Вадиму:

– Напомни мне вечером, пожалуйста, о проблемах женщины в современном мире.

– Что? – Он удивленно смотрит на меня, настолько инородно звучит моя просьба в этот момент.

Потом, видно, что-то щелкает у него в голове:

– Конечно, солнышко.

Борис улавливает наш разговор:

– Кстати, довольно интересная тема. Особенно сейчас, когда движение феминисток с каждым днем набирает силу.

– Что-то я этого не заметила, – подключается к разговору его жена Тамара.

– Ну, как же! – восклицает мой муж, отодвигая в сторону тарелку с салатом из креветок и листьев рукколы. – Обратите внимание хотя бы на ситуацию в Голливуде. Не знаю, за что конкретно местные дивы мстят режиссерам и продюсерам, но, простите, вспоминать, что когда-то, энное количество лет назад, такой-то погладил тебя по попке или игриво посмотрел в твою сторону… И требовать за это его осуждения?! Бред! Полный Бред!

– Стоп-стоп! Я не об этом хотела сказать. Подобные проявления на поверхности. Да, многие дивы, потерявшие былой антураж, но желающие дважды войти в одну и ту же реку, используют феминистическую волну как оружие для реализации своих недалеких целей. Таких любительниц хватает во всех странах и на всех континентах.

Я перевожу дух и, видя интерес друзей, продолжаю:

– Но не кажется ли вам, что дальше разговоров об эмансипации дело далеко не пошло. Я, конечно, не согласна с воинствующими представительницами движения женщин за свои права, уродливыми формами их действий, но… Кто из вас, мужчин, положа руку на сердце может сказать, что его никогда не посещала мысль о, мягко говоря, ущербности, вторичности женщин?

– Минутку! – Борис взялся за свой смартфон. – Во-первых, я не согласен с тобой. А, во-вторых, сейчас кое-что на эту тему постараюсь найти. Вы читали «Неаполитанский квартет» Элены Ферранте? Нет? Очень советую. Вот, нашёл.

И Борис рассказал, что Ферранте вспоминает в своем романе об итальянской писательнице, известной феминистке и авторе теоретических работ по феминизму Карле Лонци. Первый сборник ее работ

назывался весьма символично «Плевать на Гегеля. Женщина клиторальная и женщина вагинальная и другие сочинения».

Лобстеры были забыты и всё внимание переключено на Бориса.

– Сейчас прочту небольшой кусочек из третьего тома «Неаполитанского квартета» «Те, кто уходит, и те, кто остается».

«Плевать на Гегеля. Плевать на всю мужскую культуру, на Маркса, Энгельса, Ленина. На исторический материализм. На Фрейда. На его психоанализ и “зависть к пенису”. На брак, на семью. На нацизм, сталинизм, терроризм. На войну. И на классовую борьбу. И на диктатуру пролетариата. И на социализм. И на коммунизм. И на ловушку равенства. На все продукты патриархальной культуры. На все организационные формы. Бороться с распылением женского интеллекта… Освободиться от диалектики раба и господина. Вырвать из мозга саму идею своей неполноценности…».

– Думаю, достаточно, – заметил Борис и оторвался от экрана смартфона. – И что дорогая моя умница Маргарита скажет?

– Она скажет, что крайности всегда чреваты разрушением личности, социальным взрывом, – сказала я. – Но вопросы вторичности женщины, нахождения

её в тени мужчины, его авторитарности, к сожалению, не потеряли актуальности.

Также, как и то, что лобстер нас заждался.

Вадик с гордостью обнял меня за плечи. Смотрите, мол, какая у меня женщина.

В этот момент я не жалела, что поддалась на уговоры мужа и полетела в Дубай.

Глава двенадцатая

ОН

Не знаю, как на кого, но на меня резкие перемещения из лета в зиму и наоборот действуют тонизирующе. Вот и сейчас, поёживаясь на продувающей, казалось бы, насквозь снежной позёмке, я чувствую прилив адреналина. Хочется подхватить на руки кутающуюся в легкую шубку Маргошу и унестись подальше от суетящейся у входа в зал прилетов публики, от раскалывающего сумрачное зимнее небо грохота взлетающих самолетов, от надвигающейся завтрашней обыденности – дом, работа, дом…

Хотя, что я выдумываю. Я соскучился по работе, по её рваному новостийному ритму, по неожиданности событий и встреч. И, как это не звучит, на первый взгляд, странно, и по Маргоше в антураже трудовых будней.

Смотрю на жену, идущую молча рядом:

– О чем задумалась, солнышко?

Она отрешенно глядит поверх голов встречающих. Словно не слышит. И этот странный потусторонний взгляд.

– Ау, родная, где ты? – стараюсь как можно более непринужденно вернуть её к себе.

Марго медленно поворачивает голову и смотрит так, словно с неохотой возвращается оттуда, куда другим хода нет. Фокусирует взгляд на мне. Её бездонные зеленые глаза теплеют.

– Всё нормально, – улыбается через мгновение она.

Нет, совсем не нормально, обеспокоенно думаю я и целую её в прохладную щёку. Радостное возбуждение падает до нуля.

Марго, как обычно, мгновенно чувствует перепады моего настроения и отбрасывает со лба чуть намокшую от снега чёлку.

– Что-то не так, Вадя?

Я только собираюсь ей ответить, что все в порядке, как сзади нас кто-то настолько сильно обнимает, что впечатывает друг в друга.

– Попались, голубчики! – басит за спиной друг моего детства Стасик.

Вот это встреча! Нет, не даром играл во мне адреналин. Пока лобызаемся, вижу за его спиной, как обнимаются Марго с Томой, женой моего дружбана.

Стасик – это кишиневское детство, пропахшее сливовым повидлом, которое варили наши бабушки в соседних дворах; колючие зеленые персики, выва-

ливающиеся из-под наших маек, когда убегали от сторожа в Ботаническом саду; это игры в доктора и больного, во время которых соседская девочка Света проводила практические занятия по анатомии мальчиков и девочек.

Договариваемся встретиться и хорошо посидеть через пару дней. Стасик вдруг хлопает себя по лбу:

– И чего ждать встречи, когда подарок могу вручить и сейчас.

Он вытаскивает из огромного баула солидных размеров сверток.

– Дома попробуете камчатскую нерку и кижуча. Кстати, собственного приготовления! – улыбается он.

…Потрескивают дубовые поленья в камине, который я в кои-то веки разжёг по случаю нашего возвращения. Запах огня причудливо перемешивается с ароматом пива и камчатских даров Стасика. Я рассказываю Маргоше о том далеком времени, которое из нашего сегодня кажется безоблачно-благостным. Иллюзия памяти. Наверное, по-другому и не может быть. Ведь не будешь постоянно нести через годы груз обид, несправедливостей, обманов, трагедий. Они тебя или сломают, или ожесточат. Одно другого не слаще. А так, замуровав их в сердце, распра-

вил плечи и шагай по жизни. Шагай, пока не треснет саркофаг твоей памяти.

– Я помню до сегодняшнего дня, как звали хозяйку дома, где квартировал отец. Пани Завицка. В то утро мы с бабушкой, с которой приехали в этот маленький городок, затерянный в Карпатах, куда командировали отца, отправились на базар. Помню запах свежескошенной травы. И запах парного молока от ладоней бабушки, которыми она вдруг закрыла мои глаза. Помню запах мяты от ее юбки, к которой она прижала мою голову… И тело голой женщины, которую увидел, вырвавшись из-под руки бабушки. Та висела на памятнике Ленину. Точнее, на его руке, поднятой к небу в приветственном жесте. С отрезанной грудью.

Я разворошил кочергой затухающую поленницу дров. Они вновь вспыхнули огнем, разбрасывая искры вокруг.

Марго смотрит на меня с болью.

– Сколько было тогда тебе лет?

– Пять.

– И ты так всё помнишь?

– Да. Помню. Не знаю почему вспомнил сейчас…

– Стасик…

– Наверное. Я вернулся тогда в Кишинёв другим. Мне неинтересно было играть со сверстниками.

Иногда виделась кровоточащая рана на некоторых женщинах с нашей улицы, которые напоминали ту, голую. Часто снились сны, в которых ко мне приходила женщина с памятника. Не помню, что она говорила. Помню чувство вины перед ней, которое испытывал, слёзы, с которыми иногда просыпался.

– Это у тебя была реакция на то, что увидел смерть. Ты её боялся.

– Да, тогда боялся. Но с годами, даже уже после двадцати, я понял, что не боюсь. Я тебе не рассказывал, как стал свидетелем страшной смерти, когда служил в армии?

– По-моему, нет.

Поленья в камине подёрнулись сероватым пеплом, из-под которого вырываются языки умирающего пламени. Маргарита ждет продолжения рассказа. Я радуюсь, что переключил её внимание на себя, отвлёк от мыслей, которые, думаю, вызваны размышлениями о болезни. Мы не говорим о ней вслух. Но она незримо присутствует где-то рядом.

…Я служил последний год срочной службы в Приморье, в Уссурийской тайге. Тем летним днем, после многодневного марш-броска, мы остановились на берегу небольшой реки с корейским названием. Не помню его. Сбросив пропотевшие гимнастерки, как расшалившиеся школьники, барахтались

в прохладной воде, кто-то занялся небольшой постирушкой. Сушить бельё удобнее всего было на перилах деревянного моста, соединяющего два берега.

Незнакомый мне сержант из другого взвода позвал ребят понырять с моста. Желающих оказалось немного. Большинство предпочло солнечные ванны. Поэтому, когда он ласточкой сиганул с трехметровой высоты, те, кто не успел задремать, лениво посматривали на воду, ожидая, когда сержант вынырнет. Но минуты шли, а он не появлялся. Только в том месте, где он ушел под воду, стало расплываться пятно крови, медленно двигаясь вниз по течению.

Капитан и лейтенант – наши начальники – бросились в реку. Но… Оказалось, что, нырнув, сержант насадился головой на кусок арматуры, торчавший на дне.

– Помню, я смотрел на молодое тело, которое совсем недавно было полно жизни, и поймал себя на мысли, что не испытываю никаких чувств, кроме жалости к этому парню. То есть ничего похожего на тот страх, что поразил меня в том маленьком городке и жил во мне много лет.

– Вадик, то, что ты рассказал сейчас прямо как у Кафки, – задумчиво сказала Марго. – Не помню дословно. Но смысл такой: если ты узнал все прелести жизни, то не знаешь страха смерти.

И неожиданно добавляет:

– У меня, благодаря во многом тебе, жизнь получилась.

Я ужаснулся. Одна, наедине с мыслью о смерти?! И давно?

– Ты – как Сократ, который говорил, что истинные философы много думают о смерти и меньше всего её боятся…

– Нет. Я не думаю много о смерти. И я боюсь её. Как все. Не верю, что кто-то её не боится. Ты не совсем правильно понял мои слова. Может быть, так прозвучало в контексте с Кафкой. Но я хотела сказать, жизнь у меня получилась. И особенно после того, как мы встретились с тобой.

…Пока сон не сморил, я прислушивался к ровному дыханию Маргоши, уснувшей у меня на плече. Прав ли я в своей догадке или всё придумал? И моя любимая не знает всю правду о своей болезни. Знает – не знает, но я буду бороться за неё, бороться столько, сколько смогу.

Глава тринадцатая
ОНА

Сегодня у нас день неожиданностей. Первая – звонок из банка. На наш корреспондентский счет поступили пятьдесят тысяч евро. Попросили зайти подписать кое-какие бумаги.

Я смотрю на Вадима, он – на меня.

Вторая неожиданность – звонок Милы Фишман. Моя студенческая подруга в Кишинёве. Вот это радость! Словно десятки лет с плеч сбросила.

– Вадик, Милка будет у нас сегодня в гостях, – кричу мужу, который в кухне готовит мясо на гриле, как говорят здесь, на гратаре.

После магазина Вадик пойдёт в банк узнавать, откуда свалилась на нас такая куча денег, а пока с длинным списком необходимых покупок после обеда мой благоверный шагает в супермаркет. Убрав со стола, включив посудомоечную машину, я отправляюсь в кабинет, где должен лежать альбом со старыми фотографиями. Приятно будет с Милкой вспомнить те годы, когда жизнь почти впроголодь и

с двумя платьями на все случаи казалась, да что казалась, была прекрасна в своём сегодня и завтра.

…Это ж надо было так распорядиться его величеству Случаю, чтобы я, приехав из Симферополя в Кишинёв поступать в местный университет, столкнулась лоб в лоб, в прямом смысле этого слова, после приёмных экзаменов с этой рыжеволосой девчонкой. Она, как и я, стояла у доски объявлений, на которой был вывешен список поступивших на филологический факультет. Почти одновременно мы увидели свои фамилии среди счастливчиков и стали так бурно выражать эмоции, что влепились головами друг в друга. Потирая ушибы, я почувствовала какую-то искру между мной и этой конопатой рыжухой.

Милка, узнав, что я, приезжая и временно живу в общежитии, потянула к себе домой. Праздничный обед, устроенный ее родителями Львом Абрамовичем и Аидой Иосифовной, трансформировался в пять месяцев, которые я провела в квартире на улице Пирогова, пока не добилась места в общаге. В течение трех лет, пока не вышла замуж, каждое воскресенье приглашалась на обед в эту громогласную семью, где под столом ползали ещё два брата-погодка.

А потом наступило время массового отъезда евреев в Израиль. Однажды мне позвонила Мила. Итогом телефонного разговора стали три огромных ящика, сколоченных из деревянных досок, которые оказались в нашем дворе. Муж Милы, известный в Кишиневе уролог Миша Белопольский, привез их глубокой ночью с бригадой грузчиков. Они, как диверсанты, стараясь не шуметь, занесли эти пахнущие смолой контейнеры в наш сад, который находился в глубине двора, где жили еще несколько семей. Их накрыли маскировочной сеткой, неизвестно где добытой. Хотя Миша мог всё… Мне запомнилась тогда его фраза: «Не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо!»

Почему с такими предосторожностями? По двум причинам. Приготовления к выезду в Израиль не афишировались. Кроме того, у нас во дворе жила семья Сомовых, оголтелых антисемитов. Её глава – профессиональный кляузник, с позором изгнанный из армии, строчил подмётные письма на соседей. Ну, а евреи, которых он каждый день обвинял во всех смертных грехах, были его любимой мишенью.

Помню первое сообщение Милы из Вены, где ее семья застряла на несколько месяцев. Начиналось оно словами: «Не говори гоп, пока не проехал Чоп!». Она писала об унизительном досмотре вещей

на этой забытой Богом станции в закарпатском городишке, о носильщиках, шныряющих вокруг евреев, ожидающих поезда на Вену. С их помощью можно было «подмаслить» таможенников и вывезти несколько лишних килограммов веса.

Мы с Милкой часто потом общались по телефону. Но она никак не могла по разным семейным причинам приехать в Кишинёв. То родилась дочка, потом еще одна девочка. Потом девочки учились, служили в армии, снова учились. Потом пошли внуки. Потом ушли из жизни сначала Лев Абрамович, потом – через несколько лет – Аида Иосифовна.

Так и летели годы. И вот сегодня я обниму свою подругу!

Хлопнула входная дверь. В прихожей, отряхивая снег, стоял Вадик с двумя огромными пакетами в руках.

– Ну ты и отоварился, – улыбнулась я, пытаясь забрать из его рук покупки.

– Всё по списку, дэвушка. – Вадик обошел меня, мимоходом чмокнув в щеку, и двинулся на кухню.

– Фу, какой ты холодный!

– Ага! Теперь твоя задача согреть своего мужа.

Я рассмеялась:

– А кто тогда приготовит праздничный стол? И, кстати, ты же ещё собирался в банк пойти.

– Блин! Совсем из головы вылетело.

– Дааа… Так ты оказывается Крёз! Забыть про пятьдесят тысяч евро?! Вадик, снимаю шляпу!

Муж, не раздеваясь, развернулся в сторону прихожей. А я смотрела ему вслед и думала, какое же это счастье любить.

Глава четырнадцатая

ОН

«А снег повалится, повалится, и я прочту в его канве, что моя молодость повадится опять заглядывать ко мне …».

Марго всегда радуется пушистым снежным гирляндам на балконах её бывшего студенческого общежития. Неприглядные ещё день назад, старинные здания на моём пути к банку сегодня ласкают взгляд своей искрящейся нетронутостью.

Ловлю себя на мысли, что вот уже которую зиму первый снег встречаю этой строкой Евгения Евтушенко. А услышал её из уст самого автора, доблестно трудясь после занятий в университете пожарником в местном драматическом театре.

Снег продолжает валить, до неузнаваемости выбеливая старые улочки Кишинёва. Как мы с Маргошей любим бродить по ним. Город становится неузнаваемым. Даже кажется, что не по этой улице Киевской я долгие годы ходил в школу.

Каждый шаг – возвращение в те годы, когда жизнь казалась вечным праздником. Никакие быто-

вые мелочи: очень уж скромный гардероб, постоянное отсутствие в кармане наличности – ничего не мешало радоваться почти беспроблемному настоящему и, как казалось тогда, такому же будущему. Но она, молодость, порой настоятельно напоминала, что подружкам надо бы купить букетик цветов, пригласить в кино, угостить кофе. И поэтому, когда я узнал от папы, что друг нашей семьи Лев Борисович предложил ему для меня непыльную работу пожарником, то согласился мгновенно.

Обязанности у меня были те еще. Три раза в неделю я должен был являться в театр за два часа до начала спектакля и принимать с напарником смену. Это значило, проверить наличие на местах огнетушителей, другой противопожарный инвентарь. Потом начиналось самое приятное в моей работе. Я стоял на сцене за кулисами и следил, чтобы окурок сигареты, если он имел место в развивающемся драматическом сюжете, был своевременно погашен. В антракте следил, чтобы никто не закурил на лестнице, ведущей вниз к туалету, а шли бы в специально отведенное место. Когда спектакль заканчивался и фойе пустело, мы с напарником закрывали все двери и спускались на служебный этаж, где рядом с гримёрками у нас было местечко для сна. Это, ко-

нечно, категорически возбранялось. Но кто в пустом здании мог нас проверить?

Мы лежали на матрасах среди декораций из какого-то снятого из репертуара спектакля и вели с Яковом Семёновичем разговоры за жизнь, как любил он говорить. Бывший цеховик, погоревший, по его словам, на трикотаже (не рассчитал немного, и из выделенного государством сырья получилось в два раза больше изделий, чем должно было быть по норме), рассказывал о больной дочке, о богатом дяде в Америке, который должен был вот-вот умереть и оставить ему наследство. А потом начинал травить анекдоты. До сегодняшнего дня помню один.

Была у одного еврея в Кишиневе *попугайка.* Красавица, но постоянно ругалась матом. Идет он к раввину и просит совета, что делать с ней. На улицу не выбросишь. Живое, мол, существо. Дома дети. И говорит ему раввин: «Иди к Мойше на такую-то улицу. У него два очень правильных попугая. Они ее быстро отучат от плохих привычек». Пошел еврей к Мойше. Тот разрешил оставить у него *попугайку.* Занесли её в комнату. Видит она – сидят в клетке два попугая. На головах черные шляпы, пейсы вьются вниз, и читают они безостановочно Талмуд. Смотрела на них *попугайка* пять минут, десять, да как закричит: «Хочу извращенного, разнузданного

секса!». Один из попугаев перестал читать Талмуд и обращается к другому: «А ты говорил, что наши молитвы до Господа не дойдут!»

Так и служили мы с Яковом Семеновичем в театре, пока не собрался на гастроли в Кишинёв уже гремевший тогда по всему Советскому Союзу и сопровождаемый скандальными слухами сравнительно молодой поэт Евгений Евтушенко. И в мгновенье ока стал я самой популярной личностью не только на своем факультете иностранных языков, но и в университете. Оказывается, многие знали, что я подрабатываю пожарником в драмтеатре. А там планировался поэтический вечер поэта. И билеты достать было невозможно.

Идею, как помочь друзьям, друзьям друзей, подсказал Яков Семёнович, предложив использовать старые стулья, хранящиеся в подвале. Он же брал на себя решение задачи, как провести моих знакомых через служебный вход. Его инициативность меня удивила, но я тогда промолчал. И, как оказалось чуть позже, напрасно.

– Чему улыбаетесь, Вадим Ефремович? – Слышу я рядом женский голос. А это наша соседка идет с сумкой навстречу. Видно, из магазина.

– Да мыслям своим.

– Ну-ну, – говорит она.

И пошла дальше. Наверняка подумала, что крыша у меня едет. Ладно, надо быстрее шагать к банку, пока он не закрылся. Под ногами хрустит первый снег, аккомпанируя воспоминаниям.

Так вот, стульев около ста ухитрились мы вытащить под утро из подвала и расставить в основном на балконе, где они не так бросались в глаза начальству. Напарник почти без проблем устроил проход в театр моих безбилетников. Вечером я чувствовал себя на седьмом небе от стихов, которые читал со сцены Евтушенко, и от благодарностей, которыми осыпали меня знакомые и незнакомые люди, попавшие благодаря мне на его поэтический вечер.

Когда потом с Яковом Семёновичем устраивались на ночь, он, как бы невзначай, спросил:

– И каков у нас навар?

Я вытаращил глаза, не поняв его вопроса.

– Я так и думал, что ты шлимазл! Как говорил мой друг по Котласкому лагерю… Что ты смотришь так на меня? Не по пионерскому лагерю. Так вот, о таких, как ты, мой друг говорил: «Если он займется изготовлением гробов, то люди перестанут умирать, если он станет изготавливать свечи, то солнце будет сиять». Одним словом, шлимазл.

Но слова Якова Семёновича были цветочками перед ягодками, которые мне, а заодно и моему на-

парнику, достались на следующий день в кабинете директора театра. Он не только объявил о нашем увольнении, но и пригрозил заставить выплатить театру энную сумму штрафа.

Мне тогда сорвало крышу. Я говорил директору о порочной практике продажи билетов, о бардаке, творящемся в театре, и тому подобное. Основная мысль была – во всем виноват я, а Яков Семенович – просто жертва обстоятельств.

Когда мы вышли из кабинета директора, я – уволенный, мой напарник – со строгим выговором, старый кишиневский еврей сказал:

«Нет, ты не шлимазл!».

Он пожал мне руку, и мы разошлись в разные стороны. Больше я никогда его не встречал.

…А вот и здание банка. Если честно, то я знаю, кто прислал нам эти пятьдесят тысяч евро.

Глава пятнадцатая

ОНА

Господи, сколько Вадик натащил продуктов! Целый полк солдат можно накормить. Что-то не могу найти старую гратарную сковородку. Отправляюсь в кладовку, в которой черт ногу может сломать. Всё, как потеплеет, возьмёмся за наведение здесь порядка. Вот она любезная! Тянусь за ней на верхнюю полку, задеваю картонную коробку из-под консервов, из нее летят на меня тетради и учебники вместе с кучей пыли.

Стоп-стоп! Неужели это мои дневники времен далекого студенчества?! Точно! А я думала, что потеряла их при переезде в эту квартиру.

На плите жарится-варится, а я уселась рядом и бегу по мосту своих неровных строк на пожелтевшей бумаге в далёкое прошлое.

…«Сегодня у нас в комнате появилась новенькая. Очень изящная фигурка, со вкусом одета. Симпатичная, но держится высокомерно. Девчонки говорят, что у нее ухажер молодой преподаватель с кафедры научного коммунизма. Вечером увидели

этого толстого карапуза. Чуть не упали от удивления. Он принес ей казанок с еще горячей едой. Пахнет вкусно. Глотаем слюнки, пока они, уединившись, о чем-то щебечут, а новенькая одновременно поглощает жаркое. Я и Виорика для них не существуем…

…Галка, так зовут нашу соседку по общаге, держится не только высокомерно, но и вызывающе. Сегодня чуть ли не приказным тоном сказала, чтоб мы убрали свое “барахло” в шкафу подальше от ее вещей. Задела за живое, назвав “барахлом” два моих платья. Одно – на занятия надеваю, другое – на выход. Промолчала. Зато Виорика, когда вернулась с лекций, устроила ей такое, что та обещала пожаловаться в комитет комсомола.

…Ха, а у этой Галки ухажер-то – целый член комитета комсомола университета. Через пару дней к нам явилась оттуда комиссия, чтобы разобраться, почему мы создаем невыносимые условия для жизни студентки Понизовской. Правда, после нашего рассказа и, заглянув в шкаф, где висели два моих и два Виорикиных стареньких платьица и целый гардероб соседки, они рассмеялись и ушли. На прощание один из проверяющих задержался в дверях и предупредил, чтоб мы вели себя поосторожнее с

нашей кисой, так как ее ухажер очень скользкий тип.

…Прихожу днем из университета пораньше. Вечером свидание с одним мальчиком с физмата. Надо приодеться. А как, если в твоем распоряжении только два платья? На лекции по зарубежке придумала: а что, если на старое платье пришить пару матерчатых цветов, которые вырежу из обрезков ткани? Попросила ее в ателье рядом с общежитием. Портниха сразу сообразила, для чего мне надо, понимающе улыбнулась, наверное, сама не раз прибегала к такому фокусу.

И вот любуюсь собой в зеркале. Замечаю мимоходом, что-то изменилось у нас в комнате. Точно! На стене, где был портрет Ленина, висит вырезка из журнала с изображением поэта Михая Еминеску. О, Виорикина любовь! Очень мне нравятся его строки из «Дойны», которые Виорика прочитала однажды, видя моё плохое настроение. Сначала на румынском языке, а потом в переводе – на русском: “Как живёшь, лесок родимый? / Как проводишь вёсны, зимы? / С давних пор, как мы расстались, / Годы быстрые промчались, / Уезжал надолго я / В чужедальние края….”. А я так скучаю по Крыму.

…Откуда во мне этот животный страх? Наверное, из детства. Вчера меня вызвали в отдел кадров.

Проводили в небольшой кабинетик, где за столом сидел какой-то лысоватый тип в чёрном костюме, в круглых металлических очках. Он даже не удосужился поднять на меня глаза, когда спросил, не отрываясь от лежащих на столе бумаг, знала ли я, что моя соседка решила снять со стены портрет Владимира Ильича Ленина и повесить изображение “какого-то румынского поэтишки”?

Я молчала, парализованная страхом, догадавшись из какого учреждения этот старикашка с пожелтевшими от никотина пальцами.

Виорику исключили из университета. А я не могу без ненависти смотреть на соседку. Пойду в профсоюзный комитет просить другую комнату…»

В дверь звонят. Отрываюсь от дневника. Это, видно, вернулся Вадим. Но Акела промахнулся. На пороге – такая знакомая женщина! Как же ее зовут? За спиной гостьи сверкает улыбкой мой любимый. Он чувствует мое замешательство:

– А мы с Милой еще на улице почеломкались!

– Господи, Милка!

…За окном уже полночь. Сколько всего вспомнили, но не можем наговориться. Вадим, стараясь нам не мешать, убирает со стола.

– Всё, мне надо идти, – пытается улизнуть воспитанная Милка.

Нет, из моих объятий так просто она не вывернется.

– Даже разговора не может быть. Я постелила нам в гостиной.

– Уговорила, речистая, – смеётся подруга.

Мы смотрим друг на друга и не можем насмотреться. Да, каток времени прошелся по обеим. Но эти рыжие веснушки, карие глаза с позолотой, как и много лет назад, дарят мне смешинки, вызывая в памяти все самое приятное. Уютную Милкину квартиру, где мы не только готовились к экзаменам, но и устраивали вечеринки. Ее родители оставляли нас до глубокой ночи, уходя в гости к многочисленным родственникам. Обеды, когда казалось, что после рыбы фиш с гарниром из мамалыги с куриными шкварками и омлетом в тебя ну никак не войдет кусок наполеона, который так вдохновенно готовила мама Милки. Входил!

За окном мерзнет уличный фонарь. Все реже мазнет по потолку свет автомобильных фар.

Мы продолжаем нашу совместную погоню за событиями, которые произошли с тех пор, как не виделись, не говорили по телефону. Я рассказываю

Милке о дневнике, который нашла сегодня в кладовке. И вдруг она выдаёт:

– Ты даже представить себе не можешь, кого я встретила недавно в доме молдавской диаспоры в Тель-Авиве. Милка держит паузу.

Знает мой нетерпеливый характер. И дожидается.

– Ну, чего тянешь быка за рога?

Как же я люблю, когда она собирает в лучики смеющиеся морщинки вокруг глаз.

– Твою соседку по общаге со своим полысевшим коротышкой. Нет, со своим потным колобком. Оказывается, они регулярно ходят в Бейт Бессарабия, но почти никто с ними там не общается.

– Не поняла! Какое отношение они имеют к Израилю?

– Это ты у них спроси, как искали у себя еврейскую кровь или как шли иным путем? Он, кстати, работает лаборантом в университете. Стал бескомпромиссным борцом с советским прошлым. Но своих кишинёвских привычек стучать на всех не оставил. Как мне рассказывали друзья, поэтому и слетел с должности профессора до лаборанта на кафедре.

– А его высокомерная жена?

– Мне кажется, она нигде не работает. Точно не знаю. Но многие в нашей мишпухе говорят, что у

них в семье всё не очень хорошо. Сын и дочь не общаются с ними многие годы.

Уже засыпая, я думаю, может, если б я поговорила по душам тогда в общежитие с этой Галей, всё у неё повернулось в жизни по-другому?! Потом вспоминаю Виорику, которую отчислили из университета, и понимаю: нет, от судьбы никому убежать не удастся.

Глава шестнадцатая
ОН

Слышу из комнаты оживлённые голоса Маргоши и Милы. На часах за полночь. Пусть наговорятся. А у меня есть время подумать, как объяснить Марго, почему Борис прислал эти деньги.

Часовые стрелки приближаются к двум ночи, а девочки всё продолжают купаться в прошлом, выныривая иногда, как я догадываюсь по доносящимся репликам, в настоящее. Какое счастье, что Милка приехала! Я очень надеюсь, что она развеет Маргошино настроение, отвлечёт её от тяжёлых мыслей, которые, как вижу и чувствую, всё чаще посещают мою любимую. Подтверждение тому, что она знает намного больше о своей болезни, чем говорит мне, нахожу иногда в компьютере.

Моя задача теперь донести до Ритули, что Боря послал деньги не на лечение, а для чего-то другого. Вот для «чего другого» я и должен до утра придумать. Маргоша ни под каким соусом не должна догадаться, что наш друг знает о её болезни.

Почему? Я часто задаюсь этим вопросом, когда моя жена настаивает на том, что никакая информация, касающаяся личной жизни семьи, не должна покидать стены нашей квартиры. Наверное, дело в характере. Ритуля – мамка! Настоящая мамка, которая готова броситься на помощь тем, кого она любит. А таких много. Поэтому Марго и становится немногословной, когда кто-то со стороны интересуется подробностями жизни тех, кого моя жена опекает. Правда, Бориса это не касается. Но…

По-моему, подруги укладываются спать. Точно. В проеме двери появляются две смеющиеся мордашки.

– Ты не сильно недоволен нашим поведением? – вопрошает Милка.

– Подруга, он не недоволен, а просто завидует нам, – выдает Маргоша и чмокает меня в щёку. – Спокойной ночи, родной!

Я смотрю им вслед и вспоминаю, как вот также вместе они вышли однажды в ночь из массивных деревянных дверей старинного особняка, а я с другой стороны улицы, притаившись в кустах бузины, смотрел вокруг: нет ли для них какой опасности.

Дело было в том, что накануне я встретился с однокашником по университету, который служил в известном всему Кишинёву здании у Планетария.

Когда кого-то вызывали туда, то так и говорили – «пригласили в Планетарий».

Дружбан по универу позвал в ближайшую кафешку, похвастав, что получил досрочно еще одну звездочку на погоны. Я видел, что его распирает от желания рассказать о причине такого, видимо, экстраординарного у них в конторе события, но он терпел и молчал… до очередной рюмки коньяка.

– Короче, слушай! Но рассказываю только тебе. Ты же тоже, как и я, боец идеологического фронта, хоть и трудишься в информагентстве?! Я прав или нет?

Он так хотел услышать мое «да», что я не мог ему отказать в этой ничтожной просьбе.

В общем, в городе обнаружили сеть «тайных», как сказал он, групп по изучению иврита. Кишинёвцы, среди которых немалая часть была евреи, активно готовились к выезду на историческую Родину. И карательные органы обрушили всю мощь своего аппарата на искоренение этих «очагов предательства». Цитирую собутыльника.

Когда мы с ним, крепко обнявшись и поклявшись друг другу в верности, разошлись, меня вдруг осенило: Марго в последнее время говорила, что ходит с Милкой к одной нашей общей знакомой играть по вечерам в бридж. И та, по ходу «пьесы»,

знакомит их с основами иврита – одного из древнейших языков на планете.

Хмель в мгновенье ока улетучился, и я бросился к тому дому, где как раз в этот вечер моя жена с подругой проводили свой культурный досуг. Когда я, как привидение, возник из кустов бузины и окликнул подруг, появившихся на высоком крыльце особняка, они остолбенели.

Не знаю, выучила ли тогда Мила иврит. Не интересовался. Но Марго не только запамятовала все то, что успела усвоить на первых уроках, но больше и не играет в бридж. А вот я жалею теперь, что не выучил этот красивый язык. Когда слышу, как музыкально звучат беседы Бориса с собеседниками с Земли обетованной, то по-хорошему ему завидую.

Только вспомнил о друге, как на экране телефона высветилось сообщение от него: «Можешь говорить?». Конечно, могу, хотя у меня глубокая ночь, а у него в Канаде только вечер. Девять часов разницы.

Закрываюсь на кухне, чтоб не разбудить подружек.

– Ты получил деньги?

– Да, только вот не знаю, как объяснить Марго, что они от тебя. Она не поймет, по какому такому случаю ты прислал эту огромную сумму. Сказать, что для лечения – она меня убьет за то, что я тебе

рассказал, и еще обвинит, что попросил у тебя эти деньги.

– Перестань! Дай подумать минуту.

Под легкий шум в трубке вспоминаю, как Борис перед отъездом из Дубая, спросил о здоровье Маргоши. Объяснил, что обратил внимание на изменение иногда темпа речи моей жены, появление в ней неожиданных пауз. Я вынужден был рассказать о тревоге, которая не покидает меня, о поиске самых современных лекарств, о неутешительных прогнозах врачей…

– Ты слушаешь меня?

– Да!

– Во-первых, информация для тебя. Мне здесь подсказали, что есть клиника, которая принимает с таким диагнозом и, используя новейшие разработки, почти пятьдесят процентов возвращает к почти нормальной жизни…

– Господи, неужели такое возможно…

– Я тебе сказал, что почти половину вылечивает. Но, есть маленькое «но». Попасть туда без очереди ни за какие коврижки невозможно. Поэтому, по совету тех же моих друзей, я выслал тебе деньги и сейчас сброшу на электронную почту список лекарств последнего поколения, которые ты должен на них заказать. Они достаточно дорогие.

– Ох, Борь, даже не знаю, что сказать…

– Ничего говорить не надо! Так и будем ждать очередь в клинику. И, во-вторых, скажи Ритуле, что я прислал эти деньги на переиздание моего трехтомника. Но пока еще сам думаю и приглашаю её, как редактора этих книг, подумать о том, в каком оформлении будем издавать, каким тиражом… А там найдём причины, чтобы затянуть сроки сдачи в типографию, пока не вылечим Маргариту.

– Дай-то бог!

…Мы давно распрощались, а я все не мог заснуть, ворочаясь на диване и думая о предопределенности наших судеб, о случайности как регуляторе жизненных процессов. Как сложилась бы наша с Маргошей жизнь, не встреть мы тогда, много лет назад, Бориса? Даже представлять неохота, подумал я засыпая.

Глава семнадцатая
ОНА

Как-будто окунулась в молодость!

Милка после завтрака поехала, как она сказала, посещать в роли народного дипломата всю «мишпуху», связанную с родственниками и друзьями из Израиля. Кому передать подарки, кому письма (не доверяют старики интернету, да и не все освоили компьютер), а с кем и переговорить с глазу на глаз, как просили знакомые, доверяя ей свои фамильные тайны. Когда она показала список встреч, я оторопела. Но подруга категорично заявила, что справится. Мужественная девочка! Ведь знает, что большинство этих встреч не обойдется без чая с кусочком тортика, блюдечком розового варенья или сливовым повидлом с калеными ядрами грецкого ореха, а может, и абрикосовым вареньем или из белой черешни с дольками лимона. Как представила, слюнки потекли. Главное, что взяла с неё обязательство зайти ещё к нам до своего отбытия на Землю Обетованную.

Обо всем этом и рассказала Вадику, сервируя ему завтрак. Запоздалый. Проспал уход Милки. Но ничего – еще встретятся.

– Ритуля, ты у меня сегодня вся с утра светишься! Позволь полюбопытствовать, что тому причиной? Неужели я?! – улыбается муж.

– Ты, конечно, тоже, – смеюсь я. – Куда ж без тебя! Но вот наговорилась с Милкой и словно умылась молодостью. Так здорово понимать, что все хорошее, что было с тобой, никто и никогда уже не заберет.

Я летаю по кухне. Всё радует. Даже двор за окном, скукожившийся под коростой подмерзшей ноябрьской грязи. Вдруг замечаю, что мой муженёк витает где-то в своих мыслях.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? О походе в банк, например. – осеняет вдруг меня.

Вадик ставит на стол кофейную чашку.

– Конечно! Думал после завтрака, но женское любопытство надо удовлетворять сразу.

Мой милый пытается придать предстоящему разговору шутливый тон. Ох, неспроста это. Да к тому же вижу раздумье в его глазах. Не тороплю.

– Хватаем быка за рога! – восклицает муж.

Да, зачин серьезный. Интересно.

Вадик усаживает меня рядом, берёт в свои широкие ладони мою руку и, нежно перебирая пальцы, говорит:

– Деньги от Бориса.

Я пытаюсь вырвать руку, но он крепче сжимает её и, не дав задать очевидный с моей стороны вопрос, продолжает:

– Да, от Бориса!

И ничего, не умалчивая, начинает рассказывать, почему так случилось.

Понимаю, что не нужно его прерывать, хотя я расстроена и начинаю немного злиться. Что вдруг Борис, хотя он наш самый близкий друг и, по сути, любимый человек, шлёт мне такую большую сумму? Наши отношения никогда не носили финансового характера.

Вадик замечает мое состояние и спешит всё высказать:

– Начну немного издалека. Только ты правильно пойми, это не обвинения, но констатация факта, который меня уже долгое время беспокоит. Солнышко, помолчи секунду.

Он заметил мое нетерпеливое ёрзание и желание вставить слово.

– Маргоша, ты не рассказываешь мне всё о своих визитах к Пэдурару. Уходишь в сторону, стараешься

обойти эту тему. А я, как ты, конечно, догадываешься, поддерживаю с доктором постоянную связь. Когда ты каждый раз, принимая от меня таблетку, спрашиваешь, для чего она, я тебе отвечаю – для активизации работы сосудов головного мозга. И, в принципе, говорю правду, но не всю. Ты это понимаешь, потому что знаешь, конечная цель лечения – затормозить разрушительную работу болезни. Не хочу ее называть!

Я в смятении. Да, Вадик говорит всю правду. Жестокую правду. Называет вещи своими именами. Но…он слишком дорог мне. Я люблю его больше себя! Не хотела я, чтоб он знал всё до конца. Понимаю, глупо! Но это чисто женское. Я хочу быть всегда для него прекрасной, без изъянов, без болячек… А тут! И хотя он произносит очень правильные слова, и я с ним согласна, моё женское начало протестует.

– Ты прав, наверное. Но почему об этом должен знать Борис, хотя я люблю его, доверяю ему? И все-таки, зачем?

Минуту Вадик молчит.

– Помнишь Дубай? Так вот там он заметил в тебе некоторые изменения. В манере вести беседу, в неожиданных паузах… Он тоже тебя любит и уважает. Он не устает говорить, какая ты талантливая. Он

воспринимает тебя как человека, который очень ему близок. Поэтому всё замечает и анализирует. Там, в Дубае, он меня спросил о том, вижу ли я какие-то изменения в тебе или ему это почудилось? Я не мог не рассказать ему всё, что накопилось во мне.

Понимаю Вадика, но:

– Почему ты не мог предварительно посоветоваться со мной?

– Потому что разговор возник спонтанно. Во-первых. А во-вторых, если честно, я обрадовался ему. Мне не с кем было обсудить твоё состояние, реальные пути, не побоюсь этой фразы, спасения тебя. Да, спасения! Не смотри на меня так! Ты всё знаешь. Нет, Пэдурару не говорил тебе об этом. Ты прочитала в компьютере. Я, прости, восстановил историю твоих запросов. Вот и сейчас ты молчишь. Не хочешь эту нашу общую беду обсудить?

– Ты так хорошо меня знаешь, милый!

– Знаю! И понимаю твоё желание попытаться справиться с бедой в одиночку. Не волновать меня. Но пойми, Ритуль, я каждый день, каждый час ищу выход. Пэдурару говорит, что более современных лекарств, чем те, которые он выписал тебе, у нас в стране нет. А на мой вопрос, панацея ли они, он ответил уклончиво: зависит от организма, возраста и тому подобное. Я был в смятении. А здесь Борис

спрашивает о твоем здоровье. При этом говорит, что сам кое-что заметил.

– И ты у него попросил денег? – не могу сдержаться я.

– Нет! Не просил! И мы тогда не говорили о каких-то деньгах. Этот банковский перевод свалился как снег на голову.

Вадим смотрит в окно, пытается разрядить наш разговор:

– Только не наш снег, который, едва коснувшись земли, становится грязно-белой массой.

– Не гневи природу. Сейчас тепло, потом, дай Бог, мороз ударит и станет у нас белым-бело, как вчера. Стараюсь дать понять Вадюше, что поддерживаю его тон.

– И все же, откуда деньги, Зин? – переиначиваю известную фразу, чтобы окончательно показать моему любимому – разговор принимает другую тональность.

Он чувствует это, лицо расслабилось, осветилось улыбкой:

– После нашего разговора в Дубае, эту тему не затрагивали до вчерашнего денежного перевода. Когда вы с Милкой дрыхли без задних ног, мне позвонил Борис. Он объяснил, что проконсультировался

со специалистами в Торонто и они ему подсказали следующее…

И Вадик рассказывает и о специализированной клинике, и о лекарствах, на приобретение которых и прислал наш друг эти 50 тысяч.

Поделился со смехом, как Борис, стараясь подстраховать моего муженька, предложил, как легализовать эту сумму в моих глазах.

– А Борис и в правду думает переиздать свой трехтомник?

Мы смеёмся с Вадюхой после моего вопроса… Ох, эта страсть к работе.

Потом он, отдышавшись, с самым серьезным видом заметил:

– Одно не исключает другого!

Выслав Вадика из кухни, вспомнила под успокаивающий звук струи из крана, разговор с Джуной много лет назад.

Познакомилась в Кишиневе с этой женщиной-легендой, обладавшей незаурядными способностями ясновидения и врачевания, которыми восхищались сотни тысяч людей. Она приехала на пару дней подлечить своими удивительными руками кого-то из местных князьков.

Вечером она выступала в зале Дома культуры госуниверситета. Я работала на телевидении, и мне

поручили взять у нее интервью. Это будет сложно, подумала я, увидев в зале многих коллег из газет и журналов. Но… человек предполагает, а судьба решает. Джуна, общаясь с залом, довольно часто задерживала взгляд на мне. А после выступления, когда мы дружной толпой журналистов бросилась к ней, она, раздвинув троих мощных парней, окружавших ее, вдруг взяла меня за руку.

Вдвоем зашли в кабинетик за сценой. Моя группа – телеоператор и звукорежиссер – ждала за дверью. Как только уселись и я представилась, Джуна опять взяла меня за руку и до конца почти получасовой беседы не выпускала её. Как потом высказал свою версию Вадик: «Она подпитывалась твоим энергетическим полем».

Не знаю. Да и не жалко, если это и было так. Для такой удивительной женщины мне ничего не было жалко. Поразило, что говорила она в основном о себе, о сыне, о котором очень беспокоилась, о своих планах по переустройству мира. А потом, когда мы с ребятами взяли у нее интервью, она вновь удивила, попросив ребят оставить нас вдвоем.

«Ты очень счастливая! – вдруг сказала она. – У тебя есть ангел, который заботится о тебе во всём, кроме одного. Он не в силах оберегать твоё здоровье. Помни об этом! И ещё у тебя есть мужчина.

Пока вы вместе, у вас всё будет очень хорошо – в любви, в работе, в дружбе. Но помни всегда о своем здоровье!»

Мы стали с Джуной друзьями. Она часто звонила, порой среди ночи. Нам всегда был о чем поговорить. О дефиците нравственности, об усиливающемся влиянии на искусство постмодернизма. И, конечно, о политике. Она не называла мне никаких имен сильных мира сего, кого лечила. Но ее осведомленность в политических реалиях часто ставила меня в тупик, разрушала веру в день сегодняшний.

Джуны давно нет. Ушла в мир иной. Многие из ее предсказаний сбылись. К сожалению!

А я закончила мыть посуду и вновь вспомнила ее слова, что у меня нет ангела, который оберегал бы моё здоровье.

Вот и разговор с Вадиком снова разбередил мне душу, напомнил пророческие слова Джуны.

Но ведь Вадик с Борисом подарили мне надежду. Надежду!

– Бегу!

Это Вадик зовет.

Глава восемнадцатая
ОН

Да здравствует Интернет! Сегодня, через несколько дней после заказа, пришли лекарства из списка, присланного Борисом. За завтраком привычно любуюсь Маргошей, которая ухитряется одновременно пить кофе, краситься, заглядывая в зеркало, стоящее перед ней, и говорить по телефону с кем-то из корреспондентов.

– Смотрела сюжет. Классно сделал, но надо перемонтировать конец.

А, это она с видеооператором Женей обсуждает вчерашнюю съемку концерта нашего друга композитора и наиста Кости Московича «Антология азербайджанской музыки».

Не успела отложить телефон, снова звонок. Это уже от пресс-секретаря агентства Славы. Ясно. Сегодня очередное занятие школы инновационной журналистики, которую придумала Маргарита.

Привычное утро. Смотрю на часы. Пора двигать в агентство.

– Солнышко, не забудь! – Показываю Марго на несколько упаковок лекарств, лежащих на подоконнике.

Она утвердительно кивает головой. Наклоняюсь, целую её белокурые волосы, привычно благоухающие Miss Dior. Кстати, надо выскочить с работы и купить Маргоше парфюм. Ее флакон почти пустой.

За окном машины привычная картина города, тонущего в грязи. Тоска! Чувствую, как наваливаются безрадостные мысли. Помогут ли Ритуле новые лекарства? Какая потом будет клиника? Что еще придумать?

Из динамика льется мелодия Джеймса Ласта «Одинокий пастух», которую на нае исполняет Костя. Ее очень любит Маргоша.

…Он играл ее несколько месяцев назад. Конец лета. Раскалённый воздух остывает на пригородных холмах, запутываясь в припылённых листьях виноградной лозы, вольготно раскинувшейся на крутых террасах между сёлами. Чем ближе подъезжаем к Днестру, ныряя в тенистые туннели склонившихся в услужливых поклонах над дорогой кленов, лип и акаций, тем гуще аромат разнотравья, врывающийся в окно машины. Мы с Ритой везем на дачу к Юрке с Лилей сюрприз. Он сидит на переднем сиденье рядом со мной и, полуобернувшись к Маргоше, рас-

сказывает о своей поездке в США, о том, как там любимая Валюша рожала ему сына, как просто и непросто в тех местах зарабатывать музыкой деньги.

Я слышу беззаботный смех жены, и у меня вновь появляются надежды на благополучный исход болезни. Градус настроения растёт, когда нас окружают гости традиционного августовского праздника, устраиваемого ребятами. Сегодня он проходит под лозунгом «Оживающая песня». Вот мы и привезли им живую молдавскую легенду. Вика с Борей, внуки брата, внимательно изучают Костин инструмент. Они оба очень музыкальны. Рассказываю гостю, как неделю назад Боря на скрипке исполнял клезмерскую музыку у могилы нашей мамы, его прабабушки.

– Кстати, я начинаю готовить антологию еврейской музыки, – говорит Константин. – Поможешь?

Глаза у Борьки зажигаются. Тут как тут семилетняя Вика:

– А я? А я? Я на виолончели играю. Правда, пока на восьмерке…

На помощь приходит их мама, Лия:

– Ребята, нам же скоро возвращаться во Флоренцию…

– Но мы еще сыграем вместе! Обязательно! – спешит успокоить Константин, заметив, как вытянулись у них лица.

Вижу, с каким неподдельным интересом наблюдает за этим разговором Маргоша, устроившаяся в тени огромного куста черной бузины на краю газона. Вдруг она встает, подходит к Косте и шепчет что-то тому на ухо.

– Ребята, здесь поступило предложение от Маргариты Александровны сыграть нам сегодня трио. Сможем?

…Стою в пробке в километре от офиса. Ни влево, ни вправо, ни вперед, ни назад. Вернусь-ка я лучше в то лето. Трио не сложилось из-за отсутствия Викиного инструмента. Зато Боря с Константином выдали такие мелодии, что еще долго мы вспоминали с Ритой тот августовский день, то беззаботное веселье, которое охватило гостей. А вечером на террасе, увитой плющом, сидели, прижавшись друг к другу, и молчали. Это было молчание, в котором мы без слов слушали и слышали друг друга. Было очень покойно и казалось, что никогда ничто не разъединит нас.

…Наконец, пробка ожила. Нажимаю на педаль и улыбаюсь любимой фразе Маргоши. Когда я иногда говорю: «Мы же рядом…», она всегда поправляет: «Не рядом, а вместе!».

Вместе! Всегда вместе! Нет, правильнее – вместе всегда! Когда мы уйдем в мир иной, я хочу, чтобы

на нашем памятнике было высечено: «ВМЕСТЕ ВСЕГДА». Что-то всё чаще я думаю о теме вечного покоя. Вчера, когда мы выключили информационную программу по ТВ и стали вспоминать друзей и знакомых, которых потеряли за последние годы, у меня вырвалось:

– Хочу уйти первым.

Маргоша долго молчала и смотрела мне в глаза печально незнакомым взглядом.

– Ну, во-первых, ты законченный эгоист. А, во-вторых, ты знаешь, что первым будешь не ты. И давай, прекратим этот разговор…

Я увидел слезинку, засверкавшую в уголке глаза моей девочки. Подошел. Присел у колен и слизнул ее.

– Прости старого дурака! Поверь, всё будет хорошо!

– Сам-то ты в это веришь?

За горечью вопроса пряталась малюсенькая надежда.

– Верю! Клянусь твоей любовью, верю!

– Сколько раз я тебе говорила, перестань так клясться…

– А я повторяю, что верю, потому и клянусь самым для меня дорогим.

Я правда верю, что новые лекарства отодвинут беду. Насколько? Не знаю! Но отодвинут. Обяза-

тельно отодвинут. Как отодвинули беду, которая, казалось, неминуемо произошла бы с одним из наших ребят.

…На работе в тот день ждала ожидаемая новость. Братское агентство собиралось на следующей неделе отмечать небольшой юбилей, и моё далекое-близкое начальство предписывало посетить это событие. Можно и с Маргаритой.

Когда хлопнула дверь в её кабинете, а он располагался за стеной, я отправился к ней, зная, что предложение будет отвергнуто. Что и случилось несмотря на мои настойчивые увещевания.

Причина была все та же: а кто будет работать, когда некоторые разъезжают по гулянкам. Сказано с юмором, но какая-то серьмяга была. В чём мне и пришлось убедиться, находясь уже в гостях в Минске.

Зябко поеживаясь под холодным ветерком с Балтики, мы собирались у автобуса, чтобы отправиться в экскурсионную поездку по городу, когда звякнул мой мобильник. Голос Маргоши звенел от тревоги:

– Пропал наш Толя. Звонила его мать. Дома всюду кровь, а сына нет…

Господи, как такое возможно? Здоровый, почти двухметровый парень, умница, правда, с немного вывернутым взглядом на жизнь, но такое!

– Подожди-подожди! Его друзьям звонили?

– Звонили! И ребята обегали весь город, все места, где он мог бы находиться. Нигде нет!

– Я попробую достать билет на сегодняшний рейс в Кишинёв.

– Нет-нет, милый! Пока ты приедешь, я думаю, мы разберёмся в ситуации…

– Нет! Я должен быть с тобой, с ребятами.

Автобус уехал без меня. Мои белорусские друзья подключились к добыванию авиабилета. Я рисовал себе картины одна страшнее другой, когда снова позвонила Марго.

– Всё в порядке, – как можно спокойнее сказала она.

– Что значит в порядке? Что с ним?

Несколько мгновений моя жена молчала, видно, как я потом понял, подбирала нужные слова, соответствующие моменту:

– Он хотел напугать свою девушку…

– И что? – меня душил гнев.

– Имитировал убийство или самоубийство, размазав по всему дому кровь курицы.

Я стал истерически хохотать, выталкивая тревогу, которая еще вибрировала во мне.

– Милый, успокойся! Всё же хорошо закончилось, – успокаивала меня Маргоша.

Хотя, по большому счету, успокаивать её должен был я. Что и продолжил делать вечером, сидя с друзьями в небольшом трактире и запивая драники зубровкой.

– Вадик, не увлекайся своим утешением меня, – смеялась в трубку Ритуля, слушая нетрезвые модуляции моего голоса…

…В коридоре агентства звучит голос любимой женщины. Не успеваю встать из кресла, как она заходит, подходит вплотную, берёт мою руку, засовывает за пояс своих брюк:

– Видишь, как я похудела?! – смеется, довольная собой.

– Может хватит? – улыбаюсь я.

– Нет, мой дорогой! Вот закончим лечение, тогда и прекращу диету, – говорит она и смотрит.

Я понимаю этот взгляд.

– Думаю, что скоро наш холодильник будет снова полным…

Глава девятнадцатая

ОНА

В квартире тишина. Тишина, разбухшая от моих мыслей. Они вот-вот готовы прорвать плотину молчания, застывшую в доме, и обрушить паводок негативных эмоций на всё окружающее. Но Вадим ушёл в город, а книжным полкам в кабинете, где я скрючилась зародышем в уголке дивана, всё равно. Говори, кричи о страхе, парализующем только от мысли, что я оставлю Вадика одного в этом безумном, завистливо-хищном мире, уже молча буду смотреть на своего мальчика из глубин Вселенной… Тишина!

Взгляд выхватывает из сотен томов книг труды Льва Николаевича. Случайность? Наверное, нет, потому что в памяти мгновенно всплывает образ Пьера Безухова. Что он там думал, находясь в плену? Да-да! Что нет на свете ничего страшного, что всё в мире относительно.

Ещё недавно я с ним бы не согласилась. Мне было страшно, очень страшно, когда я вышла от доктора Пэдурару, осознав, что болезнь неизлечима. Сегодня неизлечима! Но я-то живу не в завтра! Я не

думала о себе, спотыкаясь на тротуарной плитке неврологического Центра. И сидя в машине, я продолжала думать не о себе, а о моём любимом, о том, как он будет страдать, узнав эту новость. Как будет мучиться от бессилия помочь мне. Не надо ему рассказывать.

Но он узнал вопреки моей воли. Узнал и бьётся о непреодолимую стену обстоятельств. Мне порой кажется, что он сможет ее пробить.

Хочу ли я этого? Конечно, хочу! Но вот сегодня я хотела набрать номер его мобильника, который, разбуди меня ночью, знала назубок. И не могла вспомнить.

А про Пьера Безухова и других героев «Войны и мира» я помню всё. Сейчас, наверное, только сейчас я согласна с Толстым в том, что, если нет положения, в котором человек был бы счастлив, значит, нет и положения, в котором он был бы несчастен. И то, что есть граница страданий и граница свободы. А они очень близки.

Еще недавно я мучилась, страдала, когда просыпалась утром и на щеке оставалась вмятина от подушки. Точно так же я страдаю сейчас от своего бессилия перед болезнью. Где проходит граница страдания? Не знаю! А есть ли она? Тоже не знаю.

Иду на кухню приготовить обед. Открываю холодильник и… забываю, что я хотела делать. Меня заполняет желание завыть во весь голос. От бессилия. Я помню, что было год, десять лет назад и не помню, что произошло полчаса, несколько минут назад. Невыносимо!

Звонок в дверь. Вадюша. Он видит мое состояние, но не показывает вида. Дурачок родной! Обнимает.

– Я тебя позову, – говорит заговорщически, подмигивает и исчезает на кухне с покупками в руках.

Знает, родной, что люблю. На столе красуется блюдо с тигровыми креветками в кляре, украшенное листьями салата и сдобренное итальянским бальзамическим соусом.

– А помнишь? – довольно смеется муж.

Еще бы не помнить. Это я хорошо помню. А вот… Ладно, долой плохое настроение! Будем радоваться жизни, пока она есть.

…Зима. Холодно и зябко. Одно слово – Ленинград! Тогда еще Ленинград. Вадик остановился у друзей его родителей на Васильевском острове. Я – в гостинице Дома учителей на Фонтанке. Мы порознь приехали в продуваемый всеми ветрами город на Неве. Для этого были веские основания. Я еще была замужем. А так хотелось круглые сутки быть

вместе. Мы и придумали. Была тогда такая форма отдыха – почти бесплатные, за счет профсоюзов, туристические поездки по городам СССР. Руководителем группы, как правило, назначали кого-нибудь из друзей или знакомых, потому что тот ехал бесплатно. Мы тогда не жировали, поэтому решили – я отправляюсь бесплатно. Тем более мне это было сделать легче, имея подругу в экскурсионном бюро.

Но наша конспиративная встреча в Ленинграде, точнее главная цель этой поездки – ночи проводить вместе – оказалась под угрозой. Вопреки договоренностям, хозяева квартиры, где остановился Вадим, по независящим от них причинам, отменили запланированную поездку в Финляндию. А я жила в номере с двумя землячками-путешественницами.

Что делать?

Свое «Что делать?» Николай Гаврилович Чернышевский задавал себе во время заключения в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга и нашел ответ, написав там одноименный роман. А нам что делать? Хоть мы и не сидели в крепости, которая зримо присутствовала в те дни перед нами, но ответа на вопрос не было. Как и в любом другом городе Советского Союза, гостиничные порядки того времени строго запрещали селить в одном номере мужчину и женщину, если не было штампа в паспорте, удостоверяющего их семейный союз.

И вот здесь, реализации нашей мечты, помогли… креветки. Вадик вспомнил, что один его кишиневский знакомый имел в Ленинграде подругу, мама которой трудилась администратором гостиницы. Всё бы ничего. И знакомого нашел, отстояв в переговорном пункте несколько часов, и договорился, что тот позвонит своей подруге с просьбой нам помочь в этом деликатном вопросе. Но возникло одно, на первый взгляд, почти не выполнимое условие. Как мы поняли из объяснений друга Вадика, мама подруги согласна была помочь, но просила достать ей килограмм тигровых креветок. Они тогда были в еще большем дефиците в СССР, чем другие рыбные деликатесы: икра, крабы, печень трески. Эти хоть производились в Союзе. А тигровые креветки…

Но нет мира без добрых людей. Сосед по коммунальной квартире, где остановился Вадим, оказался пилотом Аэрофлота. И случайно услышав, как мой любимый пытается выяснить, где в Ленинграде можно найти креветки, рассмеялся и обещал решить эту проблему.

Через два дня мы любовались видами на заснеженную Неву через витражное окно гостиничного номера, нежась в огромной постели и поедая впервые в жизни тигровые креветки. Кое-что и нам перепало…

– Те ленинградские креветки были, как вишенка на торте нашей страсти, – выдает Вадик. – А сегодняшние…

– Как подтверждение того, что настоящая любовь – это чувство интеллектуальное, – продолжаю я.

Муж заинтересованно смотрит:

– Поясни.

Всё он понимает, но хочет услышать от меня подтверждение своих слов.

– Потому что мы чувствуем, любим через воспоминания, через память, которая… – замолкаю, споткнувшись о мысль: если я теряю память, значит я теряю любовь?

Я потеряно смотрю на Вадика. Значит я теряю самое дорогое, что есть в моей жизни?! Этого не может быть. Я просто не переживу этого. Не переживу!

Вадик обнимает меня, прижимает к себе и целует.

– Солнышко, всё в порядке, всё хорошо…

Он гладит мне волосы, словно пытается отогнать тот ужас, который охватил меня.

Я плачу, ощущая беспомощность перед темной пропастью беспамятства, которая разверзается передо мной.

Я поднимаю голову и смотрю с мольбой в глаза любимого.

– Ты поможешь? – шепчу я. – Поможешь?

Вадик еще крепче прижимает меня к себе.

– Мы скоро полетим с тобой в клинику. Все будет хорошо! Поверь!

Я верю! Я очень верю Вадику. Очень!

Глава двадцатая

ОН

Ярко тёплое сияние, которого никогда в жизни до этого не видел, окутало многолюдное шествие, растянувшееся далеко за горизонт. Среди улыбающихся мужчин и женщин, идущих за тремя всадниками, Маргоша и я. Мы держим друг друга за руки. Над нами пронзительно голубое небо. Вокруг холмы, вершины которых кудрявятся сочной зеленью виноградной лозы и олив. Так радостно на душе!

Впереди шагает мужчина средних лет. Он поворачивает голову в оранжевом колпаке и пристально вглядывается в нас. Какой цепкий взгляд! Смутно знакомое лицо. Не могу вспомнить. Смотрю вопросительно на Ритулю.

«У тебя такая прекрасная память на лица, – смеется она. – Это же Гоццоли! Беноццо Гоццоли!».

Конечно же! Это он – творец сюжета «Прибытие волхвов». Эта фреска опоясывает три стены капеллы в палаццо Медичи-Рикардо.

Но каким образом мы с Марго оказались под Вифлеемской звездой в этой роскошной процессии,

движущейся среди райских кущ, населенных ангелами?

Один из них подлетает и чуть касается крылом моего лба…

– Что тебе такое приятное снилось? – Надо мной стоит Марго и гладит мою лысеющую голову.

– Не поверишь, райские кущи! – смеюсь я в ответ и целую её руку. – Помнишь, фреску Беноццо Гоццоли во дворце Медичи?

Только договорил фразу и понимаю неуместность слова «помнишь».

Маргоша мгновенно чувствует мою заминку:

– Вадик, не напрягайся. Я даже помню, как ты читал Гумилева «О Флоренции», когда мы вышли из дворца Медичи. «О сердце, ты неблагодарно! / Тебе – и розовый миндаль, / И горы, вставшие над Арно, / И запах трав, и в блеске даль…»

Её голос дрогнул. И она уже опять не здесь. Не знаю, что она видит там, за моей спиной. Ловлю себя на мысли, что эти «уходы» в последнее время участились. Как хорошо, что сегодня после обеда летим в клинику в Торонто.

Я осторожно обнимаю Маргошу. Чувствую, как вздрогнули ее плечи. Она вернулась «оттуда».

– И вот там, среди итальянской знати и простолюдинов шли и мы с тобой, сопровождая членов се-

мьи Медичи, – возвращаю жену к своему сну о путешествии по райским кущам. – Если рай такой, каким его изобразил Гоццоли, я хотел бы, чтоб мы с тобой в нем оказались.

Рита задумчиво смотрит на меня.

– Кроме рая есть еще и ад, – говорит она.

Мне кажется, что она вот-вот опять уйдет «туда». Беру в ладони родное лицо. Целую глаза, шепчу на ухо:

«…Изгнанник бедный, Алигъери, / Стопой неспешной сходит в Ад».

И шучу:

– Если в аду обитают такие гении, то там, наверное, не так страшно.

Через мгновенье понимаю, что шутка неудачная.

Яркая зелень в любимых глазах темнеет. Почти до сумеречной тьмы.

– Там страшно! Там очень страшно!

Неужели моя любимая «там» побывала? Ужас! Я прижимаю Маргошу к себе, хочу слиться с ней в одно целое. Нет! Так просто я её не отдам.

…Самолёт Бориса должен приземлиться в Кишинёвском аэропорту в 16.00. Через час после этого мы взлетим курсом на Торонто. Чемоданы собраны. Я хожу по квартире и снова проверяю по настоянию Маргоши, выключен ли всюду свет, отключены ли

холодильник, телевизор, другие бытовые приборы. Мы улетаем неизвестно насколько. Моя любимая уже несколько дней пытается меня уговорить, чтобы я вернулся домой, не дожидаясь завершения курса лечения. Все усилия её напрасны, и она прекрасно это понимает, хотя вот и сейчас пытается меня всё-таки убедить.

– Солнышко, давай не будем к этому возвращаться, – говорю я и замолкаю от мысли: а вернемся ли мы сюда вообще с Ритулей?

Сейсмограф жены чутко улавливает только ей понятные колебания моего настроения.

– Что-то не так? – обеспокоенно спрашивает Марго.

– Нет-нет, просто забыл спросить Бориса, есть ли на борту принтер, – придумываю на ходу, а потом соображаю, что на самом деле это меня интересует.

– Зачем тебе?

– Хочу дописать последние строчки повести, а потом распечатать, чтоб ты прочла её, пока будем лететь.

Ритуля смеется:

– Так напиши и распечатай сейчас.

– Не успею. Просто появилась одна мысль, но я её должен додумать.

– Дааaа… Мне б твои заботы. – Маргоша чмокает меня в затылок и отправляется по комнатам с генеральной проверкой готовности квартиры к нашему долгому отсутствию.

…Мы быстро проходим в аэропорту таможенный и пограничный контроль. Чёрный минивэн везёт нас к маленькому самолётику, распластавшему свои белоснежные крылья над серым асфальтом с небольшими лужицами от растаявшего снега.

В салоне тепло. Приглушено звучит музыка. Мы с Маргошей любим импрессионизм в музыке. Маргоша разговаривает со стюардессой. Потом оборачивается ко мне:

– Вадик, принтер есть.

Отлично. Этот последний абзац повести я знал, только начиная её писать. Поэтому набираю его настолько быстро, что, когда наш самолетик только начинает выруливание на взлетную полосу, я уже протягиваю финал рукописи любимой.

Она сразу хочет начинать читать.

– Не спеши, родная! За девять часов успеешь ознакомиться с моим творением, – шучу я, хотя с волнением буду ждать мнения женщины, слово которой для меня важнее всего на этом свете.

Наш белоснежный самолёт, пробив свинцовую тяжесть нависших над землёй облаков, купается в небесной голубизне.

Я смотрю на любимую. На её трогательную родинку справа над губой, в её зелёные-зелёные глаза…

Мы вместе летим с надеждой! Мы вместе летим за надеждой! И даже если не долетим до неё, мы с Ритулей помним, что «над небом голубым есть город золотой с прозрачными воротами и яркою звездой…»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта повесть о любви. О такой, о какой мечтает каждый: которая на волне сердечной близости соединяет Его и ЕЁ навсегда.

Редко кто, преодолевая или наблюдая нелегкие перипетии брачно-семейных отношений, не умилялся сюжетам, увиденным на парковой скамейке или на фотографиях, где «бабушка с дедушкой рядышком, словно жених и невеста». Именно рядышком и с таким именно выражением изначальной нежности друг другу в глазах и во всём облике. Примерно такие чувства и ожидания вызовет у читателя и эта история, для которой такой расклад на закате жизни героев был бы вполне ожидаем и закономерен.

У истории героев повести есть вполне обычное житейское начало и наполненное радостью жизни счастливое продолжение. А еще есть выпадающий в жизни многим поворот из солнечной зоны в теневую. У всех она разная эта зона, и люди на этом повороте судьбы оказываются разными. В такие моменты по-новому высвечивается и оценивается то, что было До, и в силу размаха крыльев сердца воспринимается то, что надо принять После.

Повесть в немалой степени автобиографична, и автор этого не скрывает. Даже имена у героев невыдуманные. Как будто достоверностью собственного опыта автор вознамерился воодушевить романтиков, ждущих всепоглощающего чувства, и переубедить скептиков, сомневающихся в его реальности.

Чем примечательна эта повесть, жизнь героев которой, богатая профессионально и событийно, людная и яркая, вполне могла бы вылиться в роман или нечто солидное в жанре нон-фикшн?

Примечательна она тем, что автор преднамеренно «вырезал и обнажил» ту жизнь двоих, которая часто проваливается в суету повседневности, в рутинные заботы, в амбициозные карьерные проекты, тонет в потоке многочисленных отношений и связей с детьми и родителями, друзьями и коллегами, собаками и кошками…

Здесь же только отношения в паре – Он и Она. Не потому, что остальное неважно, а потому, что любовь близкого человека, которого ты выбираешь, чтобы разделить с ним жизнь – превеликая ценность. Это то тепло, которым мы согреты и светимся. – Даже в холодной теневой зоне.

Эта история впечатана в реальную тоже невыдуманную действительность, о чем интересно читать, вспоминая и свою жизнь в этих же «декорациях»

страны, города и времени. Однако это, безусловно, художественное произведение. Философско-афористичные суждения, которыми богато повествование, поднимают бытовую историю на уровень духовного послания. Воспроизведение мысленного диалога двоих – идеально найденная для этого форма и материализованная на бумаге формула органичного единства «двух половинок одного целого».

Темпоритм повествования нередко напоминает учащенный пульс взволнованного и борющегося человека. Иногда его сменяют длинные и плавные фразы, дышащие умиротворенным спокойствием благодарного жизни рассказчика.

Символично накренившийся в самом начале повести самолетик на фоне безоблачного неба задает душе тональность тревоги, но её до самого финала подавляет и заглушает «надежды маленький оркестрик под управлением любви».

Медленно скатывается слеза по щеке героя, автора, читателя …

Повесть дописана до точки.

Так пишут только гимны любви и… реквиемы памяти любимых.

Профессор Татьяна МЛЕЧКО

Издания АИРО в 2020 г.

Ничто не проходит бесследно. К юбилею Л.Н. Королёвой. Сост.: Геннадий Бордюгов, Анатолий Ложкин, Татьяна Щеглова. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 200 с.; с илл.

Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга третья. Дипломатические приемы 1939–1945 гг. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 768 с.

Ажгихина Надежда. Письма из Москвы. Устная речь. Междометия. – АИРО-XXI,2020. – 280 с. + 8 с. илл.

Катасонова Е.Л. Новое японское кино: в споре с классикой экрана. Очерки современной японской массовой культуры / Ин-т востоковедения РАН. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 336 с.

Ли Ларс. ЛЕНИН / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 200 с.

Ленин и его время. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 256 с.

Международный общественный форум «Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах». Баку, 1–3 октября 2019 года. Материалы под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. – М.: Ассамблея народов Евразии; АИРО-XXI; Евразийская академия Телевидения и Радио. 2020. – 56с.

Материалы Международного общественного форума «Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах». Севастополь, 14 – 16 мая 2019 года. Под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. М.: Ассамблея народов России; АИРО-XXI; Евразийская академия ТВ и Радио. 2020.

Фирсов, Фридрих. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. – 2-е изд., исправл. и дополн. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 672 с. – (АИРО – Монография»).

Федор Крюков. На Дону. В родных местах. М.: АИРО–XXI, 2020. – 384 с.

Федор Крюков. Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910 – 1914 гг. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 416 с.

Федор Крюков. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО–XXI, 2020 – 368 с.

Федор Крюков. Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 432 с.

Федор Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917–1919. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 352 с.

Федор Крюков. На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО–XXI, 2020. – 336 с.

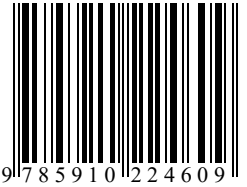
Актуальные проблемы истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2020. – 208 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Владимир Новосадюк

Она и он в тени Алоиза

Дизайн и верстка: *Сергей Щербина*

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 10.08.2020
Формат 70×100 1/32. Бумага офс.
Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 10,0.